ВЕЛИКІЯ РЕФОРМЫ

ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

ВЪ ИХЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

V.

I. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ.

Реформа тѣлесныхъ наказаній.

HV
2466

ИЗДАНІЕ М. И. СЕМЕНОВА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЕЛИКІЯ РЕФОРМЫ

ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

ВЪ ИХЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

V.

І. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ.

Реформа тѣлесныхъ наказаній.

ИЗДАНІЕ М. И. СЕМЕНОВА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

13к

HV
9466

НАПРАВЛЕНО
ВОЕННЫЙ ФОНД
ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

199271

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
1695
29

Запись журнала

„О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ"—подъ такимъ названіемъ былъ изданъ 17 апрѣля 1863 г. указъ объ отмѣнѣ наиболѣе жестокихъ и наиболѣе распространенныхъ тѣлесныхъ наказаній, заслуженно занявшій мѣсто среди крупнѣйшихъ преобразованій 60-хъ годовъ.

Подобно другимъ реформамъ этого времени и отмѣна тѣлеснаго наказанія носила половинчатый характеръ. Не всѣ виды этого позорнаго наслѣдія рабства были уничтожены. Нѣкоторые остались, и вымираніе ихъ шло въ дальнѣйшемъ такъ мучительно-медленно, что Россія и до сихъ поръ не вполнѣ избавилась отъ тѣлеснаго наказанія.

Съ другой стороны, виды этого послѣдняго, отмѣненные въ 1863 г., были въ свою очередь остатками обширной и чрезвычайно развѣтвленной системы жестокихъ истязаній, служившей на протяженіи столѣтій основой всей карательной дѣятельности государства. Тѣмъ не менѣе, реформа 1863 г. была однимъ изъ крупнѣйшихъ этаповъ на пути къ полному избавленію Россіи отъ тѣлесныхъ наказаній.

I.

Русское право знало въ старину два вида тѣлесныхъ наказаній: наказанія членовредительныя, или изувѣчивающія,—состоявшія въ отнятіи какого-либо орґана тѣла, лишеніи его способности дѣйствовать, или въ причиненіи неизгладимаго поврежденія, — и наказанія болѣзненныя, причинявшія тяжкую физическую боль.

Но между тѣми и другими нельзя провести сколько-нибудь рѣзкой грани. Такъ называемыя болѣзненныя наказанія принимали сплошь и рядомъ такія жестокія формы, что угрожали не только тѣмъ или инымъ органамъ тѣла, но и самой жизни наказуемаго.

„Самыя разнообразныя тѣлесныя муки,—говоритъ проф. Таганцевъ въ своемъ курсѣ „Русское Уголовное Право“,—являлись простымъ дополненіемъ или придаткомъ смертной казни. Всѣ виды квалифицированной смертной казни въ сущности представляются соединеніемъ двухъ наказаній: лишенія жизни и причиненія тѣлеснаго страданія“. Далѣе, тѣлесныя наказанія различныхъ видовъ обычно сопряжены были съ такими наказаніями, какъ ссылка на поселеніе и ссылка въ каторжныя работы. Причиненіе тѣлесныхъ страданій составляло также основу судопроизводства. „Пытка, — говоритъ далѣе проф. Таганцевъ, — былъ центральнымъ пунктомъ розыскного процесса — ...средствомъ полученія „лучшаго доказательства всего свѣта“, „царицы доказательствъ“ — собственнаго сознанія. Пытка была тѣлеснымъ страданіемъ, причиняемымъ въ уголовномъ правосудіи не ради возмездія за вину, а ради удостовѣренія и раскрытія вины и виновныхъ“.

Наконецъ, причиненіе тѣлесныхъ страданій имѣло еще одну цѣль.

„Причиненіе тѣлеснаго страданія входило въ область уголовнаго правосудія и какъ полицейская предупредительная мѣра, какъ средство распознанія лихого человѣка, бывшаго въ судѣ и приводѣ. Рваная ноздря, поротая губа, урѣзанный языкъ, выжженное на лицѣ или на тѣлѣ пятно или тавро, это были примитивныя справки о судимости“.

Изъ членовредительныхъ наказаній въ тѣсномъ смыслѣ слова, преслѣдовавшихъ цѣли непосредственнаго устрашенія, русское право знало въ старину и отсѣченіе пальцевъ, и отсѣченіе руки, и урѣзаніе носа, и урѣзаніе языка, и ослѣпленіе. Знала русская карательная практика и, такъ называемую, казнь съ пощадою, состоявшую въ томъ, что „въ замѣнъ смертной казни“ отсѣкался не одинъ органъ, а нѣсколько; отсѣкались въ различной комбинаціи руки и ноги. Наконецъ, съ полицейско-предупредительными цѣлями упо-

треблялось отсѣченіе ушей, вытѣсненное впослѣдствіи вырѣзаніемъ ноздрей и клейменіемъ.

Что касается такъ называемыхъ болѣзненныхъ наказаній, то, располагая ихъ въ порядкѣ убывающей болѣзненности, мы получимъ слѣдующій рядъ: кнутъ, плети, шпицрутены, батоги, палки, наконецъ — розги. Законодательная теорія отличала эти наказанія отъ членовредительныхъ и, тѣмъ болѣе, отъ смертной казни. На дѣлѣ, любой изъ членовъ этого зловѣщаго ряда могъ оказаться при извѣстныхъ условіяхъ равнозначущимъ лишенію жизни.

Кнутъ — „самое тяжкое болѣзненное наказаніе, наводившее ужасъ на иностранцевъ“ *)—дожилъ до 1845 г. Шпицрутены, при извѣстныхъ условіяхъ не уступавшіе въ жестокости кнуту, были отмѣнены лишь въ 1863 г.; плети окончательно вышли изъ употребленія только въ XX ст., въ 1903 г. Розга жива и понынѣ, и какъ разъ въ послѣднее время привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе въ связи съ участившимся примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія въ каторжныхъ тюрьмахъ.

Развитіе русской карательной системы, цѣликомъ основанной на причиненіи мучительныхъ тѣлесныхъ страданій, не было чѣмъ-либо случайнымъ.

Расцвѣтъ тѣлесныхъ наказаній въ старой Россіи, который историкъ ихъ, А. Тимофеевъ, справедливо называетъ необычайнымъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ такому же необычайному усиленію центральной власти, навязанному Россіи извѣстными историческими условіями и экономической отсталостью. Это усиленіе вело къ весьма опредѣленнымъ общественно-политическимъ послѣдствіямъ. Иностранецъ Герберштейнъ писалъ о москвитянахъ XVI ст.: „Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога.

*) А. Тимофеевъ, «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ», стр. 151.

„Вѣдаетъ Богъ, да великій государь“, говорятъ они“. Вплоть до конца XVII в. въ челобитныхъ сохранялась фраза: „Чтобы государь пожаловалъ, умилосердился, какъ Богъ“. Домострой училъ смотрѣть на царскій гнѣвъ и опалу, какъ на стихійныя бѣдствія, какъ на знакъ гнѣва Божія...

Совершенно естественнымъ дополненіемъ этой безграничной власти была огромнѣйшая власть владѣющихъ надъ владѣемыми. Еще Двинская грамота освящала полностью эту власть: „а огрѣшится господарь,—гласила она,—ударитъ своего холопа или рабу и случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ и вины не емлютъ“.

Въ той же степени, въ какой велики были эти два вида власти, велика была и грубость отношеній между владѣющими и владѣемыми, между начальствующими и подчиненными какъ въ обществѣ, такъ и въ семьѣ. Жестокость и устрашеніе были основой этихъ отношеній.

Естественно, что особенно тяжкимъ было положеніе низшихъ классовъ. Охрана помѣщичьихъ, господскихъ интересовъ была исключительной заботой законодателя: крѣпостные входили просто въ составъ „имущественнаго инвентаря“, и помѣщикъ фактически имѣлъ надъ ними право жизни и смерти.

Процвѣтало битье и среди духовенства, согласно формулѣ коломенскаго архіепископа Іосифа, обычно приговаривавшаго при битьѣ: „бей гораздо, мертвые—наши“. Жестокость и грубость нравовъ пользовались санкціей церковнаго авторитета.

Семейный бытъ нашелъ своего теоретика въ знаменитомъ Сильвестрѣ, авторѣ Домостроя, который строилъ всю семью на нещадномъ битьѣ, и весь авторитетъ родительской власти сводилъ къ страху.

Примѣръ такихъ же нравовъ давали и верхи общества. Іоаннъ Грозный не былъ исключеніемъ; онъ былъ лишь болѣе жестокъ, чѣмъ другіе. Петръ Великій и его приближенные не разъ исполняли работу палачей. Окружающіе не видѣли въ этомъ ничего необычайнаго.

Высшіе классы тоже не были избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній. Били священниковъ, архимандритовъ, бояръ, сенаторовъ; въ царствованіе Елизаветы двѣ знатныхъ дамы—Лопухина и Бестужева — были биты кнутомъ публично, послѣ чего имъ вырѣзали языкъ.

Иностранецъ Барберини писалъ о Москвитянахъ: „Великій князь приказываетъ сѣчь, растянувъ на землѣ знатнѣйшихъ бояръ... Нѣтъ почти ни одного не высѣченнаго чиновника“. Въ эту своеобразную идиллію „подбатожнаго равенства“ [1]) жизнь лишь впослѣдствіи внесла свои поправки, превративъ узаконенное битье въ привиллегію низшихъ классовъ; но пока это равенство въ той или иной степени существовало, понятію о позорности тѣлесныхъ наказаній не могло быть и мѣста въ Россіи.

Тамъ, гдѣ страхъ и насиліе составляютъ основу отношеній, послѣднія неизбѣжно насквозь пропитываются истязательствомъ и полнымъ произволомъ. Практика шла несравненно дальше уголовнаго закона, сильный имѣлъ ничѣмъ не ограниченное право надъ жизнью и смертью слабаго, наказанія налагались не по преступленію, а по человѣку глядя [2]). Центромъ карательной системы былъ кнутъ, вѣнцомъ ея—палачъ, имѣвшій возможность или засѣчь на смерть, или за взятку, превратить казнь въ шутку.

Судебная практика XVII в. назначала ослѣпленіе за такъ называемыя государственныя преступленія. Въ XVIII ст. урѣзали языкъ, напримѣръ за распространеніе слуховъ о томъ, будто государь побилъ въ церкви генеральскую жену, за ересь, за „противность и ругательство въ Церкви“. Уложеніе 1649 г. грозило отсѣченіемъ носа уличенному въ третій разъ въ куреніи табаку. Къ тому-же приведеніе всѣхъ этихъ смертоносныхъ операцій въ исполненіе отличалось крайней простотой, и отдѣльныя подробности его, имѣвшія для наказуемаго огромное значеніе, рѣшительно ничѣмъ не регулировалось“. Сѣкли и рѣзали,—говоритъ проф. Сергѣевскій,—руки, ноги, пальцы и языки, какъ придется, какъ удобно или какъ вздумается исполнителямъ. Руки отсѣкали то по запястье, то поперекъ ладони; до котораго

---

[1]) Иностранецъ Берхгольцъ не безъ удивленія разсказываетъ о томъ, что актеръ, получившій за разноску афишъ по городу 200 батоговъ, игралъ, несмотря на это, вмѣстѣ съ знатными дамами. Для послѣднихъ же, замѣчаетъ по этому поводу А. Тимофеевъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго: ихъ собственные отцы и мужья легко могли подвергнуться такому же исправительному внушенію со стороны его царскаго величества.

[2]) Тотъ-же Барберини писалъ о русскомъ судѣ: „Какъ угодно государю, такъ и рѣшаетъ судъ; оттого часто бываетъ, что одинъ за бездѣлицу отдается на съѣденіе медвѣдямъ, другой, хотя въ большемъ провинится, о томъ даже не разговариваютъ.

мѣста отсѣкали ноги—неизвѣстно; языкъ отрѣзали обыкновенно не весь, а часть его. Нерѣдко бывали случаи, что лица съ урѣзанными языками, по излѣченіи раны, начинали снова говорить, и тогда имъ рѣзали языкъ вторично. Отсѣченые члены иногда прибивались на стѣнахъ или на деревьяхъ.

Со второй половины XVIII ст., послѣ теоретической отмѣны смертной казни, самымъ тяжкимъ наказаніемъ сталъ кнутъ. Уже по уложенію 1649 г. кнутъ упоминается въ 140 статьяхъ, практика-же идетъ несравненно дальше и кнутъ становится, по выраженію А. Тимофеева, какъ-бы „карательной панацеей, годной во всевозможныхъ случаяхъ". Почти на всѣхъ ступеняхъ человѣческой преступности дѣйствуетъ кнутъ,—кнутъ, шестью-семью ударами котораго опытный палачъ могъ засѣчь на смерть, однимъ ударомъ котораго можно было сломать позвоночный столбъ! Кнутъ—за убійство; кнутъ за непослушаніе отцу или приказчику, за блудъ, за противоестественные пороки, кнутъ—за „безлѣпицы" и кулачные бои, за сквернословіе, за торговлю старымъ платьемъ, за выбрасываніе на улицу сора и помета, за сокрытіе больныхъ горячкой, за нищенство... Слово „кнутъ" даже перестаетъ употребляться: оно просто подразумѣвается подъ словами: „наказаніе", „жестокое наказаніе".

И при этой непомѣрной щедрости на смертоносный кнутъ число ударовъ ничѣмъ не регулировалось. Долго законъ зналъ только такія нормы, какъ битье простое и битье нещадное. Когда кнутъ смѣнили батоги, начали приговаривать къ битью батогами „въ кнута мѣсто", что означало битье нещадное. Такъ, бьютъ нѣкоего Красовскаго за то, что „въ поданномъ имъ Его Величеству письмѣ важности никакой не являлось"; такъ бьютъ добровольно вернувшихся бѣглыхъ, такъ бьютъ за описку въ царевомъ имени, сдѣланную безъ умысла, за непослушеніе матери, за небритую бороду, просто за „неприличные" разговоры. Рядомъ съ кнутомъ дѣйствовала двухвостая, а съ середины XIX ст. усовершенствованная трехвостая плеть, отмѣненная окончательно лишь въ 1903 г. Широко распространенная среди духовенства, она скрыта была тамъ подъ скромнымъ названіемъ монастырскаго смиренія.

Били плетью 18 монахинь, выбравшихъ себѣ безъ указа игуменью изъ бѣлицъ; били плетью солдатку, оставившую своего новорожденнаго младенца безъ помощи, били плетью

за подачу запрещенныхъ челобитныхъ, за „наговоръ на воду“. Проектъ 1754 г. предлагалъ плети за неискусное писаніе царскихъ портретовъ, за ложное „слово и дѣло“. XVIII в. зналъ плети за кражу до 20 р.—за преступленіе совершенно повседневнаго характера! „Нормы“ и здѣсь были тѣ-же: „нещадно“, „жестоко“, „немилосердно“—и только. Но уже совершенно безъ всякихъ нормъ били при полиціи, били въ помѣщичьихъ усадьбахъ, въ войскахъ, въ тюрьмахъ и ссылкѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ семьяхъ, гдѣ плетка входила въ составъ необходомой домашней утвари.

Начало XVIII столѣтія обогащаетъ карательную практику шпицрутенами, превращавшими человѣка, по выраженію Д. А. Ровинскаго, въ какую-то „кровавую кашу“. Подъ шпицрутенами гоняли сквозь строй и за участіе въ холерныхъ и крестьянскихъ волненіяхъ, и за побѣгъ съ мѣста рекрутскаго набора, за идолопоклонство, чернокнижіе, легкомысленные слова о Богѣ и святыхъ, за кражу, за „развратное поведеніе“.

Съ XVIII ст. законъ вводитъ розгу, дожившую до нашихъ дней. Предназначенная сначала для несовершеннолѣтнихъ, розга быстро распространяется, не признавая никакихъ запретныхъ областей, и становится въ позднѣйшее время традиціоннымъ символомъ силы, власти, а также и ученія въ Россійскомъ Государствѣ. Розгой сѣкли по приговорамъ судовъ, по усмотрѣнію административной власти, по усмотрѣнію педагоговъ, военнаго начальства, но больше всего сѣкли по усмотрѣнію тѣхъ 100.000 полиціймейстеровъ, которые на мѣстахъ, въ лицѣ помѣщиковъ, представляли владѣющую и правящую Россію: по помѣшичьему уложенію 1763—65 г.г. розги можно было назначать въ количествѣ отъ 1000 до 5000!

Жестокостью и произволомъ было насквозь проникнуто и самое судопроизводство—розыскной процессъ, основанный на пыткѣ. Въ старину „всякая вина была виновата“, и рѣдкій изъ тѣхъ, кто заявлялъ или на кого заявляли „слово и дѣло“, уходилъ изъ-подъ слѣдствія, не подвергнувшись жесточайшимъ физическимъ истязаніямъ. Дыба, на которой выворачивали руки, каленые щипцы, которыми ломали ребра, тиски, въ которые завинчивали пальцы рукъ и ногъ до тѣхъ поръ, „пока винтъ не будетъ дѣйствовать“, медленное удушеніе, и капаніе ледяной воды на бритую

часть головы, „такъ что оный (пытаемый) изумленнымъ бываетъ“, и горящій вѣникъ, который стряхивали на голое тѣло, и кнутъ, вездѣсущій кнутъ,—таковы были средства „изысканія истины“ въ старинномъ судопроизводствѣ. Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ наказанія, тѣ виды мучительства, которые вырабатывались постепенно, путемъ обычнаго права, и сложились въ цѣлую карательную систему.

Соборное Уложеніе 1649 г. подвело законодательную основу подъ эту систему. Законодательные акты, слѣдовавшіе за Уложеніемъ, продолжали развивать эту систему, подводя подъ нее все новыя преступленія, вводя въ нее все новыя наказанія. Къ началу XVIII ст. система достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія.

Въ XVII—XVIII столѣтіяхъ новая государственность, съ величайшимъ напряженіемъ силъ ведя борьбу съ враждебными ей элементами, начинаетъ устанавливаться, какъ національная организація власти и какъ организація болѣе планомѣрной и разнообразной эксплуатаціи народныхъ массъ; въ эту-же эпоху достигаютъ своего апогея и жестокія тѣлесныя наказанія. Все то, что не укладывалось такъ или иначе въ рамки складывавшагося на основѣ крѣпостничества полицейско-военнаго государства,—объявлялось, по выраженію одного изъ петровскихъ указовъ, „сарынью“, которая „ничѣмъ, кромѣ жесточи не можетъ унята быть“. Слова „жестоко“, „нещадно“, „безъ пощады и всякаго милосердія“—становятся обычными въ официальныхъ бумагахъ. Смертная казнь получаетъ необычайный объемъ примѣненія; угроза ею фигурируетъ въ 200 статьяхъ! Мало того. Съ безудержной щедростью разсыпаютъ угрозы смертной казнью многочисленные указы, издаваемые по болѣе или менѣе частнымъ поводамъ. Смертная казнь тому, кто въ запретномъ мѣстѣ ссѣчетъ дерево, проложитъ дорожку или стежку; тому, кто срубитъ дубъ въ заповѣдномъ лѣсу, кто какъ-либо перемѣнитъ установленныя казенныя хлѣбныя мѣры, кто проявитъ нерадѣніе и медленность въ постовой гоньбѣ.

Появляются неслыханныя до тѣхъ поръ наказанія—прожженіе языка каленымъ желѣзомъ, шницрутены, кошка, линьки; въ свѣтскихъ судахъ входятъ въ употребленіе плети, впервые законъ упоминаетъ о розгахъ, о клейменіи. Вводятся совершенно новыя наказанія въ арміи: ношеніе

оружія [1]), закованіе въ желѣзо рукъ и ногъ, прогулка по деревяннымъ кольямъ, батожья по усмотрѣнію командира. За побѣгъ изъ арміи указъ велитъ, „казнить смертью, повѣсить“ одного изъ трехъ бѣглыхъ по жребію. Смертная казнь и укрывателямъ.

Подъ понятіе жестоко караемаго тяжкаго преступленія подводятся преступленія, которыя раньше таковыми не считались: подъ страхомъ смертной казни запрещается сплавлять серебрянныя монеты въ позументы; жестокое наказаніе вводится за ловлю соловьевъ около С.-Петербурга и во всей Ингерманландіи! Практика вводитъ смертную казнь за суевѣрныя преступленія, за чернокнижество, заговоръ ружей, за цѣлый рядъ такихъ дѣяній, которыя въ эпоху судебниковъ и приказной практики облагались только болѣзненными или членовредительными наказаніями. Всѣ мучительнѣйшіе виды смертной казни — сожженіе, залитіе горла оловомъ или свинцомъ, окопаніе живого въ землю, четвертованіе, сажаніе на колъ, колесованіе, — вошли въ Воинскій Уставъ Петра Великаго и даже съ добавленіями въ видѣ предварительнаго прожженія языка, повѣшенія за ребро, за ноги и т. п. „Мѣры Петра,—говоритъ проф. Таганцевъ,—въ защиту его новшествъ противъ стараго склада и обряда, за противодѣйствіе или простое нерадѣніе къ разростанію его парадиза—Петербурга—всѣмъ и за все одна угроза закона—смертная казнь“.

„Жесточь“, примѣненіе жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, достигаетъ своего апогея, становится какъ бы нормою жизни, повседневнымъ „бытовымъ явленіемъ“. Объ этой эпохѣ, больше чѣмъ о какой-либо другой, можно сказать словами проф. Сергѣевскаго: „при строгомъ и послѣдовательномъ примѣненіи закона на Руси не осталось бы ни дьяковъ, ни другихъ жителей“. Всѣ эти несчетныя, такъ щедро расточаемыя угрозы смертью въ концѣ концовъ перестаютъ оказывать то устрашающее дѣйствіе, которое служило ихъ цѣлью, перестаютъ неизбѣжно и примѣняться. Къ нимъ привыкаютъ, они начинаютъ превращаться въ „риторическія украшенія“, въ „драконовъ“ [2]).

---

[1]) Нагрузятъ на провинившагося ружей десятка два и заставляютъ стоять на мѣстѣ, не переступая съ ноги на ногу часовъ 5—6.

[2]) См. Н. Таганцевъ. „Русское уголовное Право“ Общая часть, т. II, стр. 970 и сл.

Такъ, иностранцы, посѣщавшіе Россію въ разгулъ „жесточи“, удивлялись спокойному отношенію русскихъ людей къ жесточайшимъ наказаніямъ, а также той простотѣ, съ которою послѣднія приводились въ исполненіе. Приговоренные на казнь нерѣдко приводились даже несвязанные, толпою; спокойно дожидаясь на плѳщади очереди, о н и с а м и в х о д и л и на лѣстницу, подходили къ висѣлицамъ, надѣвали петлю и бросались съ помоста, сами клали голову на плаху“. Боязнь кнута, даже боязнь казни очевидно перевѣшивалась невѣроятной тягостью существованія низшихъ классовъ. Какъ разъ въ эту эпоху крѣпостное право начинаетъ распространяться на людей, прежде свободныхъ, еще больше усиливается власть помѣщиковъ надъ крѣпостными, растутъ требованія грозной рекрутчины, усиливаются религіозныя гоненія. Огромные размѣры принимаетъ бродяжничество. Болтинъ разсказываетъ, что благодаря дѣятельности одного только „доимочнаго приказа“ при Биронѣ, нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ пограничныхъ селеній разбѣжались. Въ половинѣ XVIII в. дѣло доходитъ до открытыхъ возмущеній крѣпостныхъ—помѣщичьихъ и заводскихъ; тамъ и здѣсь собираются цѣлые отряды бѣглыхъ, которые раззоряютъ помѣщичьи усадьбы, казенные склады, заводы, иногда даже города, освобождая колодниковъ, забирая деньги и товары. Даже окрестности Москвы и Петербурга не были свободны отъ разбойниковъ. Въ низовыхъ областяхъ, по Окѣ и Волгѣ, дѣйствовали цѣлые отряды ушкуйниковъ, вооруженные пушками.

„Жесточь“, превращенная въ одну изъ нормъ жизни, перестаетъ оказывать свое дѣйствіе. Съ точки зрѣнія новыхъ формъ государственности, новыхъ формъ хозяйства. она начинаетъ становиться безполезной. Страна втягивается въ денежное хозяйство, въ народной жизни происходитъ глубокій экономическій переворотъ, темпъ торговаго и промышленнаго развитія ускоряется. Появляются новыя потребности у общества, множатся функціи государства, создаются по западно-европейскому образцу бюрократія, постоянное войско. Въ результатѣ всѣхъ этихъ явленій начинаетъ возрастать цѣнность человѣка, какъ рабочей силы. Патріархальная „жесточь“, съ ея хищническимъ расточеніемъ народныхъ силъ, практиковавшаяся такъ широко прежде, начинаетъ становиться невыгодной съ точки зрѣнія самихъ-же владѣющихъ и правящихъ, какъ становятся невыгодными вообще старинные методы эксплуатаціи народнаго труда.

Государственная власть продолжаетъ по прежнему смотрѣть на народныя массы, въ частности на такъ называемые преступные элементы, какъ на предметъ устрашенія; но ей уже приходится цѣнить и въ этихъ элементахъ ихъ рабочую силу, пригодную и для пополненія арміи, пріобрѣтающей въ эту эпоху такое огромное значеніе въ жизни государства, и для заселенія далекихъ окраинъ, для веденія „каторжнаго хозяйства", принимающаго на этихъ окраинахъ значительные размѣры, и для такъ называемыхъ „государевыхъ работъ", за которыя съ такимъ усердіемъ принимается уже Петровская Русь.

Прежде всего, начинаетъ чувствоваться невыгодность членовредительныхъ наказаній. Они не только отнимали у государства рабочую силу, они такъ или иначе возлагали на него заботу объ изувѣченныхъ, терявшихъ возможность жить трудами рукъ своихъ.

Потеря рабочихъ силъ благодаря широкому примѣненію жестокихъ тѣлесныхъ наказаній начинаетъ сказываться, въ частности, на арміи. Старыя средства борьбы съ дезертирствомъ начинаютъ приносить арміи слишкомъ явный ущербъ. Тяготы солдатской жизни перевѣшивали страхъ наказаній, дезертирство не уменьшалось, скорѣе росло. „Казнить дезертировъ. бить ихъ кнутомъ, ссылать на каторгу,—говоритъ А. Тимофеевъ,—было невыгодно, это ослабляло численность войскъ". Правительство начинаетъ метаться отъ жестокихъ указовъ „казнить" смертью за побѣги одного изъ трехъ бѣглыхъ по жребію къ попыткамъ „поправить дѣло милосердіемъ, подъ прозрачной дымкой котораго явно сквозитъ сознаніе безсилія въ борьбѣ со зломъ, принявшимъ значительные размѣры".

Въ томъ-же направленіи дѣйствуетъ и растущая потребность въ рабочихъ силахъ для заселенія Сибирскихъ земель. Еще въ концѣ XVII столѣтія начали появляться указы, повелѣвавшіе преступниковъ, коимъ слѣдуетъ по закону отсѣчь руки или ноги, употреблять на разныя государственныя работы вмѣсто казни. Руками ссыльныхъ-же производятся обширныя работы въ Азовѣ, въ Петербургѣ, Рогервикѣ, разрабатываются даурскіе, нерчинскіе рудники...

Рѣчь шла здѣсь не объ ослабленіи устрашенія; послѣднее сохраняло свою силу: ссылка въ Сибирь, на государевы работы, на каторгу была и сама по себѣ наказаніемъ достаточно грознымъ. Для ссылаемыхъ создавалось какъ-бы

особое уголовное уложеніе, отличавшееся невѣроятной суровостью, основанное цѣликомъ на причиненіи жестокихъ тѣлесныхъ страданій. Тѣмъ не менѣе, государство начало уже находить извѣстныя выгоды въ использованіи рабочей силы тѣхъ, которымъ недавно еще по его велѣнію за незначительные проступки рубили головы, отсѣкали руки, ноги... На этой почвѣ, а также подъ вліяніемъ заимствованій изъ западно-европейской жизни, появляются зачатки самоопредѣленія человѣческой личности, возникаютъ иные взгляды, иные нравы, сознаніе безполезности крайнихъ проявленій жестокости, зарождается оппозиція противъ варварства въ наказаніяхъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній правительство предпринимаетъ рядъ мѣръ, ведущихъ къ нѣкоторому смягченію карательной системы. Въ проэктѣ уголовнаго уложенія 1754 — 66 гг. членовредительныя наказанія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не упоминаются. Изъ этихъ наказаній остались только вырѣзаніе ноздрей и клейменіе, на которыя законодатель смотрѣлъ, впрочемъ, какъ на полицейскія предупредительныя мѣры. Для женщинъ эти мѣры были отмѣнены въ 1757 г. (для мужчинъ первая изъ нихъ дожила до 1817 г., вторая до 1863 г.). Съ половины XVIII ст. членовредительныя наказанія вымираютъ очень быстро путемъ обычая; законодательную же санкцію это вымираніе получило въ 1801 г. въ указѣ объ отмѣнѣ пытки, гласившемъ, между прочимъ: „чтобы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной“ [1]).—Далѣе, въ 1753 и 1754 гг. послѣдовала отмѣна смертной казни, при чемъ эта послѣдняя была замѣнена вѣчной ссылкой на каторжную работу послѣ публичнаго наказанія кнутомъ и заклейменія преступниковъ. Сохранена была смертная казнь по закону по такъ называемымъ государственнымъ преступленіямъ, карантиннымъ и воинскимъ—во время похода.

Къ этому-же времени относится первая попытка смягченія болѣзненныхъ наказаній для малолѣтнихъ. По одному частному поводу Сенату пришлось устанавливать срокъ малолѣтства, избавляющій отъ смертной казни, наказанія

---

[1]) Если этотъ указъ нѣсколько запоздалъ съ отмѣною уже вымершихъ путемъ обычая членовредительныхъ наказаній, то по отношенію къ пыткѣ онъ былъ въ значительной степени образчикомъ казенной человѣчности и далеко не избавилъ русскій народъ отъ учрежденія, „стыдъ и укоризну человѣчеству наносящаго“.

кнутомъ и пытки. За таковой срокъ былъ принятъ 12-ти лѣтній возрастъ [1]). Въ проэктѣ уложенія 1754 г. возрастъ малолѣтнихъ, не подлежащихъ выше перечисленнымъ наказаніямъ, опредѣляется отъ 10 до 15 лѣтъ.

Но не слѣдуетъ думать, что смертная казнь и вообще тѣлесныя наказанія, угрожающія жизни, тѣмъ самымъ прекратились въ Россіи. Отнюдь нѣтъ. Во 1-хъ, продолжала еще дѣйствовать, хотя и быстро сокращаясь въ объемѣ примѣненія, пытка; во 2-хъ, наиболѣе важныя преступленія передавались—и передаются до сихъ поръ—очень часто на разсмотрѣніе военныхъ судовъ, при чемъ возможность передачи становилась съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе значительной. Въ 3-хъ, отмѣна смертной казни, и отмѣна членовредительныхъ, непосредственно угрожающихъ жизни, наказаній, оставались въ значительной степени фиктивными, пока существовало нещадное битье кнутомъ и шпицрутенами въ большомъ количествѣ—наказанія, при которыхъ смертельный исходъ всегда былъ возможенъ. Кн. Щербатовъ такъ и говорилъ про эту эпоху: „у насъ отмѣненъ легкій видъ смертной казни, состоящій въ повѣшеніи или обезглавливаніи, а самый тяжкій—засѣченіе—оставленъ".

Конечно, „жесточь" въ ея чисто хищническихъ проявленіяхъ значительно ослабѣла. Несравненно меньше уродовали въ застѣнкахъ, несравненно меньше прибѣгали къ смертной казни. На полную-же отмѣну тѣлесныхъ наказаній, угрожающихъ жизни наказываемаго, на отказъ отъ „жесточи" русское законодательство оказалось неспособнымъ въ эту эпоху, какъ оказалось неспособнымъ и сто лѣтъ спустя. „Жесточь" пріобрѣла огромную силу инерціи; о полномъ отказѣ отъ нея вопросъ и не поднимался, если не считать такихъ литературныхъ упражненій на либеральныя темы по западноевропейскимъ образцамъ, какъ Екатерининскій Наказъ, 96 ст. котораго торжественно провозглашала: „всѣ наказнія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить", или Елизаветинскій указъ, объявлявшій не менѣе

---

[1]) Характерно, что столь низкій возрастъ былъ введенъ благодаря настоянію представителей Церкви, отъ которыхъ, казалось-бы, слѣдовало ожидать большаго милосердія. Сенатъ полагалъ установить 17-ти лѣтній возрастъ, но представители Церкви выступили противъ этого, указывая, что раньше 17 лѣтъ „человѣкъ можетъ вступать въ бракъ... и тако меньше 17 лѣтъ человѣку довольный смыслъ имѣть можно", а въ 12 лѣтъ вельми-де приводить къ присягѣ.

рѣшительно: „мы всякія смертныя преступленія не натуральною, но политическою смертью наказывать установили". Отпадали, какъ отслужившія свой вѣкъ, лишь нѣкоторыя изъ средствъ устрашенія, имъ на смѣну являлись иныя. И даже въ дальнѣйшемъ правящая Россія умѣла мириться съ подобными вынужденными утратами лишь въ твердой надеждѣ на то, что „умягченіемъ наказаній не ослабнетъ спасительный страхъ законовъ" [1]).

По мѣрѣ того, какъ отмираютъ членовредительныя наказанія, ихъ роль переходитъ къ наказаніямъ болѣзненнымъ распространеніе послѣднихъ расширяется: „упадокъ членовредительныхъ наказаній,—говоритъ А. Тимофеевъ,—содѣйствуетъ распространенію и процвѣтанію болѣзненныхъ".

Вымираніе-же послѣднихъ носитъ двойственный характеръ, съ одной стороны, они постепенно смягчаются, съ другой—множатся группы населенія, изъятыя вовсе отъ тѣлесныхъ наказаній.

II.

Изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній было удѣломъ болѣе вліятельныхъ группъ общества.

Старое русское право лишь въ ничтожной степени допускало сословныя различія по отношенію къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Привилегіей высшихъ классовъ было въ старину не изъятіе отъ битья, а лишь болѣе снисходительное битье [2]). Права личности были въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Взглядъ на тѣлесныя наказанія, какъ на позорящія, былъ совершенно чуждъ этимъ классамъ. Иностранецъ Барберини такъ и писалъ о русскихъ, что они „не гонятся за честью и больше чувствуютъ побои, чѣмъ знаютъ, что такое стыдъ". И на общественное положеніе того или иного чиновника перенесенное послѣднимъ тѣлесное наказаніе не оказывало ни малѣйшаго вліянія [3]).

---

[1]) Слова Манифеста Николая I.

[2]) Такъ напримѣръ, за невѣрное написаніе суднаго списка дьяку полагалась торговая казнь (битье кнутомъ на торгу), подъячему—отсѣченіе руки. За оскорбленіе патріарха лица низшаго званія подвергались торговой казни, стольникъ-же, стряпчій или московскій дворянинъ—битью батогами. Отъ нѣкоторыхъ наказаній можно было избавиться, уплачивая штрафъ. См. А. Тимофеевъ, „Исторія тѣлесныхъ наказаній", стр 67 и сл.

[3]) Въ 1684 г нѣкто Кикинъ былъ битъ кнутомъ за растлѣніе, а впослѣдствіи онъ завѣдывалъ всѣми рыбными промыслами Россіи.—Фран-

БИБЛІОТЕКА

Торговой казни, битью батогами, подвергались, такимъ образомъ, и высшія духовныя особы, и титулованные свѣтскіе чины, иногда занимавшіе высшія государственныя должности.

Въ эпоху Петра Великаго „подбатожное равенство“ еще сохраняло свою силу. Когда Сенатъ грозилъ даже вице-губернаторамъ „черевы на кнутьяхъ вымотать“, это далеко не было простой угрозой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при Петрѣ пріобрѣтаетъ огромное распространеніе битье кнутомъ. Тѣмъ не менѣе, именно въ эту эпоху зарождается сознаніе позорности тѣлесныхъ наказаній рукою палача. И въ дальнѣйшемъ вымираніе тѣлесныхъ наказаній идетъ двумя путями: съ одной стороны, множатся изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, съ другой, самыя наказанія смягчаются—регулируется количество ударовъ, учитываются различныя обстоятельства, способныя усугубить тяжесть наказанія, какъ-то болѣзнь наказываемаго, погода, при которой совершается экзекуція, и т. п. Первый процессъ идетъ непосредственно на пользу только господствующимъ, владѣющимъ классамъ и развивается настолько быстрѣе второго, что къ моменту отмѣны жестокихъ наказаній всѣ сколько-нибудь состоятельныя группы населенія оказываются уже совершенно изъятыми отъ всякихъ тѣлесныхъ наказаній. Второй процессъ, который облегчалъ положеніе широкихъ массъ населенія, шелъ несравненно медленнѣе, и такія жестокія наказанія, какъ битье шпицрутенами, плетьми, были отмѣнены для нелишенныхъ правъ лишь черезъ два года послѣ того, какъ рухнуло крѣпостное право...

Постоянная армія по западно-европейскому образцу—вотъ то учрежденіе, которое нанесло первый рѣшительный ударъ своеобразной старо-русской идилліи подбатожнаго равенства. Сильное регулярное войско было необходимо для усиленія центральной власти, для превращенія патріархальнаго московскаго самодержавія въ императорскій абсолютизмъ. Оно было необходимо также для завершенія экономическаго переворота, уже задолго до того начавшагося въ Россіи,— для пріобрѣтенія моря. Старая армія не была отдѣлена отъ народа; по окончаніи войны ратные люди расходились по

пузскій резидентъ де-Леви разсказываетъ о томъ, какъ въ 1718 г. царь пригласилъ къ себѣ однажды нѣсколькихъ знатнѣйшихъ сановниковъ и принявъ ихъ поочередно, велѣлъ каждаго наказать батогами.

домамъ и въ мирной обстановкѣ не отличались отъ крестьянъ и посадскихъ. Качественно отдѣлять такую армію въ отношеніи наказаній отъ остального населенія основаній не было. Армія-же регулярная, по мысли ея создателя, должна быть отдѣлена отъ народа, должна стоять надъ народомъ, должна внушать народу страхъ и уваженіе къ ней, должна служить орудіемъ господства владѣющихъ классовъ. Съ другой стороны, иностранцы, поступавшіе на службу въ Россіи въ качествѣ офицеровъ, приносили съ собою духъ западно-европейскихъ армій, въ которыхъ офицеры-дворяне вовсе не подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Да и сама армія въ цѣломъ приходила въ соприкосновеніе съ западомъ и проникалась господствовавшими тамъ взглядами на тѣлесное наказаніе, какъ на наказаніе позорящее.

Во вторую половину царствованія Петра Великаго сознаніе позорности публичнаго битья кнутомъ рукою палача начинаетъ проявляться очень замѣтно. Въ русское право вводятся наказанія, лишающія чести въ западно-европейскомъ смыслѣ. Въ 1714 г. въ одномъ изъ указовъ упоминается шельмованіе; Воинскимъ Уставомъ оно опредѣляется окончательно [1]). Указъ 1721 г. подтверждаетъ относительно наказанныхъ кнутомъ и отбывшихъ срокъ ссылки, что „за такимъ порокомъ, что были въ катскихъ рукахъ, невозможно ихъ въ прежнюю службу употреблять".

Но признаніе наказанія кнутомъ рукою палача позорящимъ еще не влекло за собою ослабленія „жесточи": солдаты набирались изъ крѣпостныхъ, а по отношенію къ крѣпостнымъ устрашеніе считалось государственной необходимостью. Вмѣсто кнута вводятся иныя наказанія, тоже достаточно болѣзненныя. Разница въ наказаніи—замѣна одного наказанія другимъ—проводилась согласно чисто утилитарнымъ соображеніямъ — не по признакамъ виновности, а по признакамъ годности къ военной службѣ.—За преступленія менѣе значительныя, которыя влекли за собою раньше наказаніе кнутомъ и дѣлали преступника негоднымъ къ военной службѣ, теперь назначается битье плетьми не публично, при полиціи, что позорящимъ не считается; для преступленій болѣе значительныхъ вводятся страшные шпицрутены — наказаніе, выполнявшееся не „катскими руками", а сослуживцами осужденнаго, а по своеобразной

[1]) А. Тимофеевъ, стр. 91 и слѣд.

логикѣ Петра и его сподвижниковъ, подобныя наказанія ничего позорящаго въ себѣ не заключали.

Такъ найденъ былъ выходъ изъ противорѣчія между „жесточью“, какъ панацеей рѣшительно отъ всѣхъ золъ, и сознаніемъ позорности битья кнутомъ рукою палача...

„Жесточь“ вышла изъ этого конфликта не умаленной какъ внутри арміи, такъ и внѣ ея. При Петрѣ битье кнутомъ достигаетъ своего апогея; бьютъ кнутомъ и торговцевъ старомоднымъ платьемъ, и хозяевъ, держащихъ у себя гулящихъ людей, и тѣхъ, что не соблюдаютъ градскаго благоустройства, бросаютъ на улицу соръ и пометъ, и тѣхъ, что скрываютъ, сколько у нихъ на дворѣ заболѣло горячкой; кнутъ и каторга—для торгующихъ мертвечиной или бьющихъ скотъ въ неуказанныхъ мѣстахъ, для здоровыхъ нищихъ, потому что среди нихъ „много воровъ бываетъ“... Въ арміи-же бьютъ шпицрутенами, даютъ 3000, 5000, 6000, до 12 тысячъ шпицрутеновъ, 500 ударовъ которыми иногда бывало достаточно, чтобы забить человѣка на смерть...

И тѣмъ не менѣе, эта реформа имѣла весьма значительныя послѣдствія. Армія оторвана отъ народа, но въ лицѣ своего офицерскаго состава она тѣснѣйшимъ образомъ связана съ классомъ помѣщиковъ, съ дворянствомъ, изъ среды котораго офицеры набираются. Новые взгляды на тѣлесныя наказанія начинаютъ распространяться въ этой средѣ и находятъ для себя очень благопріятную почву, потому что XVIII вѣкъ—это вѣкъ консолидаціи и усиленія землевладѣльческаго дворянства. Значеніе и власть его усиливаются, по выраженію В. Ключевскаго, „и въ гвардейскихъ казармахъ, и въ правительственныхъ канцеляріяхъ, и въ барскихъ усадьбахъ“—усиливаются съ одной стороны вплоть до полнаго порабощенія закрѣпощенныхъ крестьянскихъ массъ, съ другой стороны, путемъ облегченія дворянской „службы“, вплоть до дворянской вольности. Грамата о вольностяхъ дворянства завершаетъ эту эволюцію.

Правда, рѣдкій изъ знатнѣйшихъ сподвижниковъ Петра не попробовалъ Петровской дубинки. „Петръ, разсказываетъ кн. Щербатовъ,—не разбирая ни роду, ни племени, бивалъ приближенныхъ къ нему“. Но патріархально-оголенное московское „подбатожное равенство“ уже отмирало. Тотъ-же кн. Щербатовъ писалъ: „не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, имъ же введенныхъ, не странно казаться и многіе изъ насъ восхотятъ скорѣе смертную казнь... нежели

жить послѣ палокъ или плетей, хотя-бы сіе и священными руками и подъ очами помазанника Божія учинено"...

На первыхъ порахъ [1]) позорность тѣлесныхъ наказаній мыслится лишь какъ попраніе чести служебной; затѣмъ, понятіе о чести расширяется до сословныхъ рамокъ. Въ дальнѣйшемъ, понятіе о знатности, освобождающей отъ тѣлесныхъ наказаній, получаетъ болѣе точное выраженіе, замѣняясь понятіемъ о „состоящихъ въ рангахъ", но изъ послѣднихъ исключаются незначительные чины, изъятіе распространяется только на состоящихъ на службѣ въ рангахъ изъ дворянъ. Изъятіе, на этой ступени, понимается и проводится въ жизнь, какъ привилегія высшихъ вліятельныхъ группъ общества и только этихъ группъ.

Къ срединѣ XVIII столѣтія система изъятій уже стоитъ вполнѣ прочно на основѣ признаковъ какъ сословныхъ, такъ и соціальныхъ. Появляются опредѣленно два вида наказаній: для привилегированныхъ и для подлыхъ. Для первыхъ наказанія вообще смягчены, тѣлесныя—исключены вовсе. За обнаженіе оружія во дворцѣ—привилегированнымъ ссылка въ Сибирь на вѣчное житье, подлымъ—плети и ссылка; за ссору и брань для первыхъ—арестъ и безчестіе, для вторыхъ—плети; за подметныя письма о поджогахъ первые подвергаются лишенію всѣхъ чиновъ или ссылкѣ, вторые—наказанію кнутомъ и ссылкѣ, и т. д. и т. п.

Освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній фигурируетъ уже въ качествѣ одной изъ главныхъ привилегій въ граматѣ о вольностяхъ дворянства. Жалованная грамата дворянству Екатерины II гласила: „Тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго". Далѣе, по жалованной граматѣ городамъ изъятіе распространяется на представителей капитала—на купцовъ первыхъ двухъ гильдій и иа именитыхъ гражданъ. Этими граматами узаконялось то, что уже проводилось на практикѣ: дворянамъ и купцамъ тѣлесныя наказанія высочайшей властью замѣнялись обыкновенно какими-нибудь другими.

---

[1]) Уже при Петрѣ проявляются начатки охраны личнаго достоинства въ зависимости отъ чина и сословія. Уже въ 1708 г. предписывается съ неявившихся на службу знатныхъ брать штрафъ, маловнатнымъ чинить наказаніе и сверхъ того брать штрафъ, за подачу запрещенныхъ челобитныхъ знатные лишались чина и имѣнія, изъ нижняго чина и подлые—жестоко наказывались кнутомъ.—А. Тимофеевъ, „Исторія и т. д.", стр. 96.

Значительно позже было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній духовенство—позже дворянства, позже крупнаго купечества! Лишь въ 1796 г. Синодъ возбудилъ смиренное ходатайство объ освобожденіи лицъ священнаго сана отъ тѣлесныхъ наказаній. „Чинимыя имъ наказанія,—указывалъ Синодъ,—въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя массы къ презрѣнію священнаго сана". Только въ 1835 г. дѣтямъ священниковъ было предоставлено пользованіе служебными правами наравнѣ съ дѣтьми личныхъ дворянъ и тѣмъ самымъ духовенство вполнѣ было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній.

Сводъ законовъ 1833 г. значительно увеличиваетъ количество изъятій [1]).

Въ началѣ 40-хъ гг. идетъ дальнѣйшее распространеніе изъятій на элементы гражданскаго общества, неуклонно развивающіеся въ нѣдрахъ сословно-крѣпостническаго строя. Въ Сводѣ 1842 г. появляется новый критерій изъятій—образованіе [2]). Въ Уложеніи 1845 г. прибавляется еще рядъ небольшихъ группъ [3]).

Но какъ ни велико было количество привилегированныхъ группъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, оно было все же ничтожно по сравненію съ десятками милліоновъ неизъятыхъ, на долю которыхъ выпадало битье во всѣхъ

---

[1]) Къ изъятымъ отнесены лица, имѣющія несомнѣнныя доказательства объ ихъ дворянствѣ, личные дворяне, дворяне иностранные, султаны сибирскихъ киргизовъ, священнослужители греко-россійскаго вѣроисповѣданія, ихъ жены и вдовы, кромѣ вступившихъ во второй бракъ съ неизъятыми, монахи, духовныя лица иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, высшіе чины магометанскаго таврическаго духовенства, почетные граждане, купцы 1 и 2 гильдіи, ихъ жены и дѣти въ семейномъ капиталѣ при нихъ состоящіе, нѣкоторые разряды сельскихъ должностныхъ лицъ и нижнихъ чиновъ. Нѣжинскіе греки и купцы 3-й гильдіи подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ только по приговору уголовныхъ судовъ.

[2]) Сюда входятъ: воспитанники технологическаго института, лица свободнаго податного состоянія, окончившіе курсъ наукъ реальныхъ классовъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищъ, ученики школы межевщиковъ при лѣсномъ институтѣ и т. п.

[3]) Иностранные гости, вдовы потомственныхъ дворянъ, литераторы, ихъ вдовы, окончившіе курсъ въ разныхъ, особо поименованныхъ учебныхъ заведеніяхъ, престарѣлые свыше 70 лѣтъ, нижніе чины со знаками отличій; на время состоянія въ должностяхъ: станціонные смотрители ливрейные лакеи Высочайшаго двора.

видахъ: по приговорамъ судовъ, по административному усмотрѣнію, на военной службѣ по усмотрѣнію ближайшаго начальства, въ усадьбахъ—по прихоти помѣщиковъ.

Добиваясь для себя изъятій отъ тѣлесныхъ наказаній, расширяя неустанно свои права и вольности, землевладѣльческое дворянство, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же XVIII ст. окончательно порабощаетъ крестьянъ и строитъ всѣ свои отношенія къ послѣднимъ исключительно на устрашеніи и на жестокихъ наказаніяхъ. Чтобы имѣть развязанныя руки, оно добивается къ концу этого же XVIII ст. запрещенія крѣпостнымъ жаловаться на помѣщиковъ. Жесточайшія истязанія были обычнымъ явленіемъ въ крѣпостномъ быту. Слѣдователи по дѣлу Орлова о жестокомъ обращеніи съ крѣпостными установили въ 1802 г., что „цѣпи, желѣза, рогатки, колодки—обыкновенныя наказанія... въ другихъ случаяхъ наказанія изобрѣтаются съ такимъ свирѣпствомъ, что безъ содроганія и выразить невозможно“ [1]). Если такихъ дѣлъ, какъ дѣло знаменитой Салтычихи, на свѣтъ Божій выплывало и не много, то не подлежитъ, тѣмъ не менѣе, никакому сомнѣнію, что Салтычихами большаго или меньшаго калибра кишмя кишѣла крѣпостническая Русь. Объ этомъ хотя и косвенно, но съ достаточной яркостью свидѣтельствуютъ провинціальные дворянскіе наказы въ комиссію 1767 г., показывающіе, какой характеръ стремилось придать карательной системѣ дворянское общество, добивавшееся для себя полнаго изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній. Алатырское дворянство било челомъ, чтобы увѣщаніе не только разбойнику и смертоубійцѣ, но всякому вору оставить, а разспрашивать ихъ, какъ злодѣевъ, и казнь чинить по всей строгости прежнихъ законовъ. Темниковское дворянство высказывалось рѣшительно противъ новыхъ, болѣе гуманныхъ направленій и поручало просить: „Не дозволено ли будетъ съ оными злодѣями по прежнимъ строгимъ государственнымъ узаконеніямъ поступать и что въ городахъ оныхъ воровъ слѣдовать пристрастными распросами и пытать дозволить, дабы на это смотря, другіе то чинить не могли, въ томъ бы безстрашное благоденственное житіе имѣли“. Елецкое дворянство шло еще дальше: оно желало

---

[1]) Кое-гдѣ по помѣщичьимъ усадьбамъ бывали настоящіе застѣнки, гдѣ истязанія производились по всѣмъ правиламъ заплечнаго мастерства. См. В. Короленко, „Русская пытка“, „Русское Богатство“, 1912 г. № 1, стр. 141—142.

не только пытокъ, но и смертной казни для всѣхъ смертоубійцъ, воровъ и разбойниковъ. Въ такомъ же духѣ выражалось и Орловское, и Бѣлевское дворянство. Трубчевское дворянство поручало просить за дворянъ—чтобы имъ, кромѣ разбоя и другихъ важныхъ преступленій, наказаній тѣлесныхъ не чинить, наказывая за погрѣшности по ихъ благородству арестомъ и содержаніемъ на сухояденіи, а не тюрьмою, гдѣ содержатся по важнымъ дѣламъ воры и преступники. Свіяжское дворянство просило только отдавать въ солдаты и ссылать воровъ, не чиня пытокъ... [1]).

Но какъ ни упорно отстаивало землевладѣльческое дворянство тѣлесныя наказанія для широкихъ массъ населенія, дѣйствіе причинъ, приведшихъ къ вымиранію особенно жестокихъ видовъ наказаній, на этомъ не остановилось. Во второй половинѣ XVIII ст. элементы новаго общества развиваются съ еще большей быстротой, чѣмъ развивались прежде. Противорѣчія между этими элементами и крѣпостническимъ укладомъ жизни непрерывно обостряются, вызывая со стороны болѣе просвѣщенныхъ слоевъ населенія рѣзкую критику и дѣйственную оппозицію старому строю, со стороны крестьянъ ту суровую борьбу противъ помѣщиковъ, которая, непрерывно наростая, тянется черезъ все столѣтіе, отдѣляющее начало ослабленія тѣлесныхъ наказаній отъ паденія крѣпостного строя, и на грани третьей и четвертой четвертей XVIII ст. вспыхиваетъ огромнымъ возстаніемъ, потрясшимъ до самой глубины весь государственный организмъ. Къ этимъ причинамъ къ концу XVIII ст. присоединяется новая—именно вышеочерченное освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній наиболѣе вліятельныхъ общественныхъ группъ. По мѣрѣ того, какъ эти группы проникались сознаніемъ позорности тѣлесныхъ наказаній и добивались для себя изъятій отъ таковыхъ, разрушеніе стариннаго равенства въ наказаніяхъ неизбѣжно ставило передъ болѣе дальновидными элементами общества и передъ непосредственно заинтересованными въ этомъ дѣлѣ слоями населенія вопросъ о равенствѣ въ изъятіи отъ тѣлесныхъ наказаній. На фонѣ изъятія для владѣющихъ группъ всѣ вопіющія стороны нещаднаго битья должны были выступать особенно ярко и вынуждать правящую Россію къ частичнымъ уступкамъ.

---

[1]) А. Тимофеевъ, „Исторія и т. д.“, стр. 86—87.

Такъ создавались и такъ множились изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній. Еще задолго до отмѣны послѣднихъ въ 1863 г., изъятія подошли къ чертѣ, отдѣлявшей свободнаго отъ крѣпостного и, исчерпавъ весь составъ соціальныхъ верховъ общества, у этой черты остановились.

Посмотримъ теперь, какъ шло с м я г ч е н і е болѣзненныхъ наказаній.

III.

Смягченіе болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній шло двумя путями: путемъ установленія болѣе точнаго соотвѣтствія наказаній съ силами наказываемыхъ и путемъ замѣны наказаній болѣе тяжкихъ менѣе тяжкими.

Первымъ этапомъ на первомъ пути были попытки соразмѣрить наказаніе съ возрастомъ наказываемаго. Какъ уже было упомянуто, Сенатъ въ 1742 г., по одному частному поводу, нашелъ необходимымъ установить возрастъ, съ котораго малолѣтніе могутъ быть тѣлесно наказываемы. Черезъ двадцать лѣтъ эти постановленія были подтверждены и расширены, но указъ, объявлявшій объ этомъ, приказано было хранить въ тайнѣ и „отнюдь въ доношеніяхъ и сообщеніяхъ онаго не включать“. Въ дальнѣйшемъ, кнутъ къ малолѣтнимъ не примѣнялся.

О старости вспомнили только въ самомъ концѣ XVIII ст.: въ 1798 г. было приказано преступниковъ, достигшихъ 70 лѣтняго возраста, не наказывать тѣлесно, не клеймить, а ссылать безъ наказанія.

Первая попытка урегулировать тѣлесныя наказанія въ связи съ состояніемъ здоровья наказываемаго была сдѣлана въ 1832 году, когда было постановлено, чтобы доктора являлись по призыву полиціи для поданія помощи наказуемымъ. Черезъ годъ были сдѣланы облегченія для одержимыхъ нѣкоторыми неизлѣчимыми болѣзнями, перечисленными въ законѣ. При болѣзни излѣчимой наказаніе только откладывалось до выздоровленія. Въ 1851 г. было предписано, что при исполненіи приговора всегда присутствовалъ врачъ; наконецъ въ 1855 г. слабосильные арестанты, въ томъ числѣ и женщины, были освобождены отъ наказанія плетьми.

Въ 1848 г. былъ изданъ циркуляръ, предписывавшій „чтобы при сильныхъ морозахъ, напримѣръ превышающихъ 10^0, особенно, когда при томъ бываетъ вьюга или сильные вѣтры“, не производить наказанія. Но циркуляръ этотъ

былъ совершенно секретный и предвидѣлъ только крайніе случаи.

Таковы отдѣльныя мѣропріятія, имѣвшія въ виду также лишь отдѣльныя группы наказываемыхъ и нѣсколько ослаблявшія жестокость тѣлесныхъ наказаній. Но во второй половинѣ XVIII ст. начинается и процессъ общаго ослабленія традиціонной „жесточи".

Екатерина II въ первые годы своего царствованія рѣшительно осудила жестокія тѣлесныя наказанія. „Либеральная крѣпостница", какъ называлъ ее Д. А. Ровинскій, категорически высказывалась противъ нихъ и въ своемъ наказѣ, и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, и въ своихъ письмахъ къ европейскимъ просвѣтителямъ. Но вся эта проповѣдь гуманности имѣла главнымъ образомъ характеръ „литературныхъ упражненій" въ либерализмѣ съ цѣлью произвести благопріятное впечатлѣніе на Западную Европу, такъ какъ Екатерина II очень боялась, что послѣдняя „причтетъ насъ ко временамъ Ивана Васильевича". На практикѣ-же всѣ попытки въ этомъ направленіи имѣли крайне рѣдкій характеръ [1]).

Въ гл. X. Наказа впервые въ Россіи былъ провозглашенъ принципъ: „человѣка не можно считать виновнымъ прежде приговора судей, и законы не могутъ лишать его защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные". Этимъ въ идеѣ осуждалась пытка во всѣхъ ея видахъ; послѣдняя вышла изъ употребленія ко времени Екатерины II лишь по отношенію къ дворянству и чиновничеству; Наказъ обязывалъ итти дальше. Въ теоріи это дѣлалось [2]).

---

[1]) Въ 1774 г. ассесоръ Шишкинъ, провинившійся въ кражѣ казенныхъ денегъ, вмѣсто смертной казни былъ лишенъ дворянства, выведенъ на площадь съ надписью на груди „воръ и похититель казенныхъ денегъ", поставленъ на 1/4 часа у позорнаго столба и сосланъ въ Сибирь. Такая-же выставка у позорнаго столба была примѣнена по дѣлу извѣстной Салтычихи, дошедшей въ истязаніяхъ своихъ крѣпостныхъ до того, что гладила ихъ по тѣлу раскаленнымъ утюгомъ и т. п. Хотя Салтычиха „по дѣлу довелась до пытки", тѣмъ не менѣе ее, какъ дворянку не пытали, а только „для устрашенія показывали жестокость розыска надъ приговореннымъ преступникомъ", человѣкомъ, само собою разумѣется, „подлаго званія".—См. В. Короленко: „Русская Пытка", Русское Бог., 1912 г., I.

[2]) Въ 1767 г. всѣмъ губернаторамъ былъ разосланъ Наказъ, съ тѣмъ, чтобы они, впредь до новаго указа, „въ дѣлахъ, доходящихъ до

Къ несчастью, практика въ значительной степени шла своимъ путемъ. При слѣдствіи о пугачевскомъ возстаніи въ самой широкой мѣрѣ употреблялось „пристрастіе“, подъ видомъ котораго притаилась пытка, а при наказаніи—и смертная казнь посредствомъ колесованія и червертованія, и членовредительныя наказанія...

Въ царствованіе Екатерины-же II впервые проявилась перемѣна взглядовъ на тѣлесныя наказанія въ сферѣ педагогической. Новый уставъ кадетскаго корпуса объявлялъ, что „благородную душу можно воздерживать описаніемъ безчестія, а не страхомъ тѣлеснаго и вредительнаго наказанія“. Въ планѣ Воспитательнаго Дома либерализмъ эпохи нашелъ себѣ, между прочимъ, своеобразно-крѣпостническое выраженіе въ пунктѣ, запрещавшемъ наказывать тѣлесно служителей Дома, „дабы юношество не пріучать къ суровости“.

Въ послѣдующее царствованіе, въ мрачныя и исключительно жестокія времена Павла I, и политика смягченій, и политика изъятій отъ тѣлесныхъ наказаній, претерпѣла испытаніе. Указомъ отъ 13 апрѣля 1797 г. Павелъ I, по дѣлу нѣкоего прапорщика Рожнова чрезвычайно просто и оригинально „разъяснилъ“ грамату о вольностяхъ дворянства: „какъ скоро снято дворянство,—гласило это „разъясненіе“,—то и привилегія до него не касается, по чему и впредь поступать“ [1]). Бить стали снова всѣхъ безъ различія. „Жесточь“ обрѣла снова свою былую силу. Въ февралѣ 1797 г. кн. Репнинъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ доносилъ о томъ, какъ „усмирялъ“ онъ въ Орловской губ. крестьянскія волненія, вызванныя слухами о близкомъ освобожденіи: „за упорственное сопротивленіе войскамъ Вашего Императорскаго Величества наказаны силою оружія и преданы яко изверги огню и мечу; тѣла ихъ, справед-

---

пытки, основывали свои резолюціи и изысканія доказательствъ и обликъ на правилахъ X гл. упомянутаго Наказа“. Въ 1764 г.—новый указъ „о недѣланіи въ присутственныхъ мѣстахъ ни по какимъ дѣламъ, ни подъ какимъ видомъ, никому, никакихъ при допросахъ тѣлесныхъ истязаній для познанія въ дѣйствіяхъ истины“. Этотъ рѣшительный указъ былъ изданъ—увы!—„весьма секретно“...

[1]) Нѣкій пінта Степанъ Руссовъ воспѣлъ въ одѣ этотъ возвратъ къ „подбаторному равенству“ и воздалъ хвалу Императору за то, что послѣдній „назначилъ вору и воришкѣ одну награду и безъ лишку, одинъ нелицемѣрный (?!) кнутъ“.—Проф. Таганцевъ „Русское Уголовное Право“, часть общая, т. II, стр. 1109.

ливо погибшія, недостойныя погребенія общаго съ вѣрными подданными, зарыты въ особую яму... домы ихъ истреблены до основанія такъ, что остатковъ онаго не видно". Вице-губернаторъ Митусовъ доносилъ изъ Калужской губ., что у него „до оружія не доходило", такъ-какъ изъ крестьянъ онъ никого на мѣстѣ не нашелъ; тѣмъ не менѣе, онъ „пересѣкъ кнутомъ женъ и средняго возраста дѣтей. Въ страхъ имъ, дабы вызвать ихъ, сожогъ особу стоящую клѣть, но изъ-за сего никого изъ скрывшихся не явилось". У самого Павла въ кабинетѣ постоянно находилась трость изъ воловьихъ жилъ, которой онъ и наказывалъ иногда приближенныхъ. Своему любимцу Кутайсову онъ далъ однажды 40 ударовъ этою тростью, приказавъ лишь ему предварительно снять ленту [1]).

Но попытка реставраціи средневѣковой патріархальной жесточи окончилась неудачно: извѣстно, каковъ былъ конецъ самого Павла...

Эта попытка сошла въ могилу вмѣстѣ съ нимъ. Съ 1801 г узаконенія Екатерины II вновь обрѣтаютъ силу. Съ цѣлью смягченія тѣлесныхъ наказаній предпринимается рядъ шаговъ, по обыкновенію, впрочемъ, половинчатыхъ. Молодой императоръ выступилъ съ рѣшительнымъ осужденіемъ жестокаго обращенія съ солдатами, объявилъ, что „сія метода", „столько-же вредна для службы", сколько „противна здравому разсудку", что она „введена... или отъ непониманія или наклонности къ жестокости". Но заключительная часть далеко не столь энергична: въ ней рекомендуется обходиться „гдѣ можно" безъ побоевъ и вдобавокъ „сохранить сіе повелѣніе въ одномъ только своемъ свѣдѣніи".

Тотъ-же характеръ и тотъ-же исходъ имѣла попытка Александра I вывести изъ употребленія кнутъ. Въ 1802 г. судебнымъ мѣстамъ было запрещено употреблять въ приговорѣ слова нещадно и жестоко, 1812 г. предписано было судамъ точно означать число ударовъ, въ 1817 г. даже учрежденъ былъ особый комитетъ объ отмѣнѣ „торговой казни", названной въ указѣ „безчеловѣчной жестокостью". Графъ Тормасовъ, при открытіи комитета, передалъ послѣднему мнѣніе Императора, что „сіе наказаніе (кнутомъ) сопряжено съ безчеловѣчной жестокостью, каковой нѣтъ примѣровъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, что же-

---

[1]) А. Тимофеевъ, „Исторія и т. д.", стр 110 и слѣд.

стокость сія, будучи отдана, такъ сказать, на произволъ палача... находится въ противоположности" съ „цѣлью правосудія" и „явно противорѣчитъ уничтоженію смертной казни"... Краснорѣчивая критика кнута не подѣйствовала на комитетъ. Послѣдній нашелъ, что хотя, по измѣненіи состоянія нравовъ, и можно-бы было замѣнить кнутъ... плетьми, но если отмѣнить торговую казнь въ отдѣльномъ указѣ, то народъ по недоразумѣнію легко можетъ вообразить, что будто и всякое уголовное наказаніе отмѣняется, а потому, въ виду этихъ доводовъ, отмѣна торговой казни была отложена до изданія новаго уложенія. Въ 1824 г. Государственный Совѣтъ, дѣйствительно, обсуждалъ вопросъ о кнутѣ, какъ орудіи казни, 13 членовъ подали голосъ за отмѣну кнута, 4 за удержаніе. Но кнутъ устоялъ и на этотъ разъ...

Приблизительно такая-же судьба постигла попытки искоренить пытку, вопросъ о которой выплылъ снова въ связи съ эпидеміей поджоговъ въ Казани [1]). 27 ноября 1801 г. послѣдовалъ указъ Сенату, въ которомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ осуждалась пытка, „стыдъ и укоризну человѣчеству наносящая". „Къ сожалѣнію,—говоритъ по этому поводу В. Короленко, — прекрасное воодушевленіе, внушившее этотъ указъ, держалось недолго". Во вторую половину царствованія Александра I огромное вліяніе пріобрѣлъ Аракчеевъ, „истязатель по натурѣ". И когда, „послѣ убійства своей не менѣе свирѣпой любовницы, Аракчеевъ залилъ застѣнки въ Грузинѣ кровью пытаемой дворни, Александръ I писалъ ему чувствительныя утѣшенія той самой рукой, которая подписывала великодушный указъ противъ пытокъ" [2]).

Въ 1817 г. было отмѣнено рванье ноздрей [3]).

---

[1]) Въ связи съ этими поджогами къ одному изъ заподозрѣнныхъ въ нихъ была примѣнена пытка; несчастный, не выдержавъ мученій, призналъ себя виновнымъ, но затѣмъ взялъ это сознаніе обратно. Тѣмъ не менѣе, пыточное сознаніе было признано достаточнымъ, приговоръ состоялся и невинный человѣкъ умеръ подъ кнутомъ.

[2]) В. Короленко, „Русская пытка", „Русское Богатство", 1912 г., №№ 1, 3. Д. А. Ровинскій свидѣтельствуетъ, что вообще помѣщики и въ эту эпоху пытали своихъ людей и дѣвокъ, надѣвая имъ на шею желѣзныя рогатки, приковывая цѣпями къ стѣнѣ и т. д.

[3]) Крайне характерны мотивы этой отмѣны: „При нынѣшнемъ устройствѣ внутренней стражи,—гласила эта откровенная мотивировка,—такое усугубленіе наказанія" оказывается „излишнимъ" и отмѣняется, какъ

Въ слѣдующее царствованіе, въ 1829 г. было постановлено (по обыкновенію секретно!), чтобы число ударовъ кнутомъ не превышало 50, а при изданіи свода законовъ кнутъ по нѣкоторымъ статьямъ былъ замѣненъ плетьми. По своду 1832 и 1842 гг. кнутъ упоминался все-же въ 50 статьяхъ.

При подготовительнныхъ работахъ по составленію уложенія былъ снова поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ кнута.

Какъ же понимали эту отмѣну тѣ, отъ кого она цѣликомъ зависѣла? И въ чемъ состояла эта отмѣна?

„Составители проэкта, — говоритъ по этому поводу проф. Таганцевъ,—предположили замѣнить кнутъ плетьми на томъ соображеніи, что наказаніе кнутомъ, завися отъ произвола палача, можетъ быть или орудіемъ смерти, или-же, особливо при маломъ числѣ ударовъ, сдѣлаться слишкомъ слабымъ и что сіе бываетъ въ самомъ дѣлѣ часто вслѣдствіе подкуповъ".—Почтенныхъ составителей проэкта, надо полагать, особенно смущало послѣднее свойство наказанія кнутомъ, поэтому они склонялись къ замѣнѣ кнута плетьми, при наказаніи которыми „качество замѣняется количествомъ". Авторы этихъ соображеній высказывали ту мысль, что при наказаніяхъ плетьми нѣтъ „возможности по произволу дать жизнь преступнику или лишить его оной". Подобный взглядъ на плети слишкомъ оптимистиченъ. Очевидцы наказанія плетьми не разъ удостовѣряли, что часто отъ нѣсколькихъ ударовъ наказываемый впадалъ въ безпамятство; тогда ему подносили спирту и, приведя въ чувство, продолжали казнь. Можно-ли при такомъ наказаніи говорить, что палачъ съ плетью въ рукахъ не былъ властенъ надъ жизнью и смертью наказываемаго?

Передъ окончательнымъ разсмотрѣніемъ уложенія была заявлена Высочайшая воля о замѣнѣ кнута увеличеннымъ числомъ ударовъ плетьми, что и было принято въ окончательной редакціи. Рѣчь шла, слѣдовательно, о томъ, чтобы

„безчеловѣчнымъ истязаніемъ сопровождаемое". Такимъ образомъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ русскимъ людямъ приходилось расплачиваться своими ушами и ноздрями за неспособность правящей Россіи ввести надлежащее „устройство внутренней стражи".—Отмѣнивъ рванье ноздрей, сохранили клейменіе, хотя и оно до извѣстной степени сопровождалось „истязаніемъ" и „усугубленіемъ наказанія". Когда псковскій и рязанскій прокуроры, основываясь на законѣ 1817 г., признали подлежащимъ отмѣнѣ и клейменіе, то послѣдовало особое сенатское разъясненіе о буквальномъ примѣненіи закона. (Тимофеевъ, „Исторія и т. д.", стр. 144).

[1]) „Русское Уголовное Право", стр. 1110.

возмѣстить качество количествомъ, разъ кнутъ подлежитъ отмѣнѣ [1]).

Но все это не помѣшало офиціальнымъ сферамъ и ихъ ученымъ представителямъ очень высоко оцѣнивать эту реформу [2]). Неизъятая-же отъ тѣлесныхъ наказаній Россія получила лишь незначительное облегченіе. Во все время царствованія Николая I управленіе было основано на безпощадномъ битьѣ. Продолжала дѣйствовать и пытка. Очередные опыты борьбы съ нею были продѣланы въ 1827 и дважды въ 1847 г.—всѣ три раза въ связи съ новыми пыточными дѣлами, изъ которыхъ было „усмотрѣно“, что не только пытка продолжала существовать, но имѣлись и спеціальныя для нея орудія. Высочайшій указъ 1827 г. напоминалъ, что орудія эти „узаконеніями не допускаются и потому быть не должны“. Тѣмъ не менѣе, въ 1847 г. всплыли новыхъ два пыточныхъ дѣла. Пытка жила...

Царствованіе Николая I было эпохой, когда карательная система, основанная на тѣлесныхъ наказаніяхъ, развернулась вновь, передъ смертью, особенно широко. Тѣлесныя наказанія потеряли въ жестокости, но не умалились по объему примѣненія. Кнутъ смѣнили плети. Послѣднія назначались въ числѣ 30—100 ударовъ при каторжныхъ работахъ съ наложеніемъ клеймъ и въ числѣ 10—30 ударовъ безъ наложенія клеймъ при ссылкѣ на поселеніе. Плети упоминались въ 134 статьяхъ Уложенія.

Плети были не только уголовнымъ наказаніемъ, но и полицейско-исправительнымъ. Послѣдній видъ особенно выдвинулся въ XIV ст., съ тѣхъ поръ какъ всякое битье палачами стало само по себѣ считаться позорящимъ. Уло-

---

[1]) Мѣткую характеристику этой реформы далъ Д. А. Ровинскій: „Кнутъ,—писалъ онъ,—мало по малу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети, которыя, въ свою очередь сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отрехвощены и, наконецъ со спины спущены на болѣе мягкія части“...

[2]) Русскій представитель на Брюссельскомъ конгрессѣ криминалистовъ въ 1849 г., г. Цевъ, съ гордостью объявилъ, что Россія не отстаетъ отъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ... что кнутъ не существуетъ болѣе. Собраніе встрѣтило это заявленіе горячими рукоплесканіями, но другой членъ конгресса, г. Валовскій, ядовито замѣтилъ, что кнутъ въ Россіи только замѣненъ плетью. На это предсѣдатель конгресса отвѣтилъ, что собраніе апплодировало отмѣнѣ кнута и что къ наказанію плетьми это одобреніе никоимъ образомъ не относилось... — См. А. Тимофеевъ, „Исторія и т. д.“, стр. 176.

женіе поставило плети на мѣсто „каторжной казни“ (кнута) и, тѣмъ самымъ, сдѣлало невозможнымъ примѣненіе ихъ въ качествѣ полицейскаго взысканія. Съ этого времени, сплошь до ихъ отмѣны въ 1863 г.. плети могли примѣняться лишь какъ тяжкое, хотя и дополнительное, связанное съ ссылкой уголовное наказаніе.

Самое наказаніе плетьми совершалось на такъ называемой кобылѣ (или, какъ она ласкательно названа въ официальномъ описаніи, относящемся къ 1831 г.,—„кобылкѣ“), всенародно, рукою палача, на нѣкоторомъ возвышеніи (эшафотѣ), чтобы народу видна была вся процедура наказанія.

„Устрашительныя цѣли, преслѣдуемыя при наказаніи кнутомъ, — говоритъ А. Тимофеевъ, — стремленіе грозной обрядностью усилить впечатлѣніе экзекуціи, вызвали появленіе особаго ритуала при выполненіи этого наказанія“. Съ отмѣною кнута, сохранились цѣли и задачи, которымъ кнутъ служилъ. „Обрядность считалась по прежнему необходимой для устрашенія возможныхъ будущихъ преступниковъ, поэтому съ кнутомъ не исчезла торжественная обстановка, декорація, при которой происходило битье этимъ инструментомъ: она была перенесена на наказаніе плетьми, такъ-что тѣлесныя наказанія, смягчившись по существу, по мысли законодателя не должны были потерять ни одного ксессуара, могущаго внушить „спасительный страхъ“.

Приговоренному къ наказанію плетьми приходилось пройти черезъ два рода „подготовительныхъ дѣйствій“. Нѣсколько дней приговоренный, закованный, проводилъ въ одиночествѣ; къ нему приходилъ священникъ для собесѣдованія, исповѣди и причащенія. Передъ наказаніемъ его одѣвали въ чистое бѣлье, длинный черный кафтанъ и шапку, на грудь вѣшали черную доску, на которой бѣлыми буквами было обозначено совершенное имъ преступленіе. Затѣмъ его сажали на такъ называемую позорную колесницу спиною къ лошади и привязывали ремнями къ скамейкѣ; колесницу окружала стража и въ такомъ видѣ процессія отправлялась къ мѣсту наказанія. У осужденнаго была въ рукахъ горящая восковая свѣча. Палачей везли на мѣсто казни въ особомъ закрытомъ фургонѣ.

Объ исполненіи казни возвѣщали барабаннымъ боемъ. Съ осужденнаго снимали верхнее платье, палачи разрывали на немъ рубашку, обнажали его до пояса и прикрѣпляли къ кобылѣ; потомъ палачи брали орудія наказанія, лежав-

шія въ углу эшафота, и, перешагнувъ черезъ нихъ ногою, ждали приказа. Если наказаніе исполнялъ одинъ палачъ, то, ударивъ съ одной стороны, онъ переходилъ на другую, если ихъ было два, они становились съ обѣихъ сторонъ въ ногахъ преступника и били поочередно.

Плеть, по гибкости своей не рѣзала спины, какъ рѣзалъ кнутъ, но за то отъ нея спина пухла и вздувалась [1]). Отъ трехъ-четырехъ ударовъ наказываемый чувствовалъ такую сильную боль, что впадалъ въ безпамятство; тогда ему подносили спирту и, приведя въ чувство, продолжали казнь [2]).

Когда дѣйствовалъ кнутъ, искуссные палачи умѣли ударомъ кнута наотмашь разсѣчь лежащій на спинѣ листъ бумаги, даже не затронувъ на спинѣ кожи, и нѣсколькими ударами умѣли засѣчь наказываемаго на смерть [3]). Плеть не была такъ страшна. Но лица, имѣвшія возможность непосредственно наблюдать дѣйствіе плети, удостовѣряютъ, что это дѣйствіе было тоже ужасно. Все зависѣло отъ палача. Врачъ Лобасъ, наблюдавшій наказаніе плетьми на Сахалинѣ, говоритъ: „Желаетъ такой человѣкъ (палачъ) помиловать жертву, онъ ловко бьетъ концами плети по скамьѣ, среднею частью ея едва касаясь тѣла; не желаетъ— изувѣчитъ... Случаи увѣчья арестантовъ плетью и даже

---

[1]) Плетиво плети состояло изъ столбца, 6 вершковъ длиною, съ тремя хвостами, въ 1 аршинъ и 4 вершка длиною. Хвосты оканчивались узлами. Столбецъ и хвосты были сдѣланы изъ цѣльныхъ ремешковъ, нарѣзанныхъ изъ куска толстой кожи.

[2]) Вотъ разсказъ ссыльнаго Лужи о плетяхъ, приводимый у Достоевскаго: „Вотъ какъ вошли мнѣ эти пятьсотъ плетей; повезли меня въ полномъ парадѣ. Народу привалило видимо-невидимо. Ужъ и глупъ этотъ народъ, такъ и не знаю, какъ и сказать! Тимошка (палачъ) раздѣлъ, положилъ, кричитъ: поддержись! ожгу! Жду—что будетъ? Какъ онъ влѣпилъ разъ—хотѣлъ было я крикнуть, раскрылъ было ротъ, а крику то во мнѣ нѣтъ. Голосъ остановился; какъ влѣпитъ два, я ужъ и не слыхалъ, какъ два просчитали. А какъ очнулся, слышу считаетъ семнадцатый. Раза четыре съ кобылы снимали, по получасу отдыхалъ; водой обливали; гляжу на всѣхъ, выпуча глаза, да и думаю: тутъ-же помру".

[3]) Хвостъ кнута, т. е. именно та часть его, которая и служила на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ символомъ правосудія, состоялъ изъ бѣлаго сыромятнаго ремня, засушеннаго въ видѣ желобка и твердаго какъ кость. Длина его равнялась приблизительно одному аршину, ширина—3/4 вершка. При ударахъ острые концы приходились къ спинѣ наказываемаго. Съ одного удара кнутъ пробивалъ кожу. Котошихинъ говорилъ о кнутѣ: „...какъ ударитъ (палачъ) по которому мѣсту по спинѣ и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ мало не до кости".

забиванія до смерти въ прежніе годы бывали нерѣдко"...— При каждомъ ударѣ плеть обыкновенно пробивала кожу... При значительномъ числѣ ударовъ засѣченіе на смерть было, такимъ образомъ, всегда возможно. Еще въ 1823 г. Сенатъ призналъ наказаніе плетьми „не исправленіемъ", а „сущей казнью"; тѣмъ не менѣе, плеть по приговорамъ общихъ судовъ продержалась до 1863 г., а для каторжниковъ и ссыльно-поселенцевъ—до 1903 г.!..

Послѣ отмѣны кнута остались не только плети. Уложеніе 1845 г. упоминаетъ въ отдѣльныхъ статьяхъ еще и о палкахъ. Палками били главнымъ образомъ крѣпостныхъ за участіе въ крестьянскихъ волненіяхъ, при чемъ число ударовъ достигало 250, а также солдатъ, получавшихъ ихъ иногда болѣе 300 ударовъ...

Очень тяжкимъ видомъ битья, оставшимся послѣ кнута, были также шпицрутены. При извѣстныхъ условіяхъ, при большомъ количествѣ ударовъ шпицрутены были не менѣе смертоносны, чѣмъ кнутъ, и превращали въ фикцію не только отмѣну послѣдняго, но и отмѣну самой смертной казни. Такъ, шпицрутены по формулѣ „безсмертнаго кнутобойца" Аракчеева—„двѣнадцать разъ сквозь тысячу безъ медика" — нельзя назвать иначе, какъ замаскированною смертною казнью.

Уставъ о служащихъ въ гарнизонѣ 1843 г. даетъ описаніе наказанія шпицрутенами [1]). Осужденнаго выводили подъ конвоемъ четырехъ солдатъ, читали приговоръ, по прочтеніи его „люди строили шереножную улицу". На каждаго рядового выдавалось столько прутьевъ, сколько лицъ подлежало наказанію, такъ, чтобы каждаго осужденнаго били свѣжими прутьями. Затѣмъ барабанщики ударяли дробь, подъ звуки которой осужденный долженъ былъ пройти по „улицѣ" за унтеръ-офицеромъ, держащимъ въ рукахъ ружье съ примкнутымъ штыкомъ, направленнымъ противъ наказуемаго, который долженъ былъ держаться въ свою очередь за прикладъ ружья обѣими руками; такимъ образомъ штыкъ мѣшалъ ему произвольно ускорять движеніе и тѣмъ избѣгнуть ударовъ. Сводомъ военныхъ постановленій 1833 г. доктору, который долженъ былъ присутствовать при экзекуціи, предписывалось: просить въ нужныхъ случаяхъ старшаго начальника о пріостановленіи наказанія; если по слабости

[1]) А. Тимофеевъ „Исторія"..., стр. 203.

сложенія вовсе нельзя было-бы продолжать экзекуціи, слѣдовало представлять объ этомъ по командѣ. „Такимъ образомъ,—говоритъ по этому поводу А. Тимофеевъ,—наказаніе представлялось въ извѣстной степени гуманнымъ: жизнь преступника охранялась присутствіемъ медика, наказаніе могло быть и совершенно отмѣнено „при слабости сложенія“; оно не является въ теоріи ни слишкомъ жестокимъ, ни опаснымъ для жизни наказуемаго; въ иномъ видѣ представляется оно по свидѣтельствамъ очевидцевъ“ [1]).

Сцену наказанія шпицрутенами рисуетъ, между прочимъ, Д. А. Ровинскій. „Надо видѣть эту пытку,—говоритъ онъ,—чтобы никогда не забыть ея... Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руки хлыстъ шпицрутенъ, — живая «зеленая улица», только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ, чтобы шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на „солдатской шкурѣ“; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ, разъ, два!... и пошла хлестать зеленая улица справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается сзади и спереди широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ, летятъ кровавые брызги... „Братцы, пощадите!...“ прорывается сквозь глухую трескотню барабаны, но вѣдь щадить значитъ самому тутъ-же быть пороту,—и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану; мѣстами кожа сваливается клочьями, и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... Вотъ онъ свалился, а бить осталось еще много; живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ, и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто-то по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны“.

Поистинѣ, чудовищный кнутъ могъ спать спокойно въ своей могилѣ, а поклонники старинной россійской „жесточи“

[1]) А. Тимофеевъ, „Исторія и т. д.“ стр. 204.

не могли жаловаться на смягченіе послѣдней, пока дѣйствовали шпицрутены,

Трехъ тысячъ ударовъ, по свидѣтельству современниковъ, было вполнѣ достаточно, чтобы забить человѣка на смерть. Д. А. Ровинскій же разсказываетъ о случаѣ смертельнаго исхода послѣ 500 шпицрутеновъ. А между тѣмъ, аракчеевское „сквозь тысячу двѣнадцать разъ безъ медика“ было дѣломъ довольно обычнымъ, какъ обычно было и то, что истязуемые умирали, не вынесши и половины, а иногда и одной трети этого числа. Средней нормой наказанія было приблизительно 6000 ударовъ. Между тѣмъ, напримѣръ, въ 1831 г. при массовомъ наказаніи шпицрутенами, когда 191 наказанный получилъ каждый по 4000, а 720—по 1000 ударъ, на мѣстѣ казни и вскорѣ послѣ нея умерло 40 человѣкъ!

Въ царствованіе Николая I въ мирное время число ударовъ не должно было превышать 600: то-же и по своду военныхъ постановленій; исключенія допускались въ дѣлахъ объ ослушаніи и дерзости начальству, особенно передъ фронтомъ, когда могло назначаться и больше съ тѣмъ, чтобы приговоръ представлялся на Высочайшее утвержденіе; такимъ образомъ могло быть назначено и 12.000. Въ этомъ размѣрѣ шпицрутены дѣйствительно назначались за карантинныя преступленія взамѣнъ смертной казни, при чемъ замѣна эта считалась—милосердіемъ! Повелѣвая наказать такимъ образомъ двухъ евреевъ за карантинное преступленіе вмѣсто смертной казни, Николай I написалъ на рапортѣ: „виновныхъ прогнать сквозь 1000 человѣкъ 12 разъ. Слава Богу, смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ ее вводить“. Это была, надо полагать, шутка: наказаніе 12.000-ми шпицрутеновъ едва-ли отличалось отъ смертной казни чѣмъ-нибудь, кромѣ своей жестокости [1])... Чѣмъ кончалось наказаніе шпицрутенами въ такомъ количествѣ какъ разъ въ цар-

[1]) Эта, въ своемъ родѣ, историческая резолюція Николая I далеко не была чѣмъ-либо случайнымъ. Послѣ отмѣны кнута, плетей и клейменія для военнослужащихъ, шпицрутены остались единственнымъ видомъ тѣлесныхъ наказаній по суду, такъ-какъ розгами и палками били обыкновенно въ дисциплинарномъ порядкѣ. Въ сводѣ военныхъ постановленій этотъ фактъ объясняется указомъ отъ 1 января 1782 г., коимъ повелѣвалось военной коллегіи руководствоваться главой X Наказа, предписавшей с ч и т а т ь ж е с т о к о с т ь б е з п о л е з н о й и н е с п р а в е д л и в о й. Шпицрутены, такимъ образомъ, употреблялись для того, чтобы избѣжать „безполезной и несправедливой жестокости!“

ствованіе Николая I, показываетъ разсказъ д-ра Ильинскаго объ экзекуціи надъ разбойниками Быковымъ и Чайкинымъ въ 1849 г. въ Казани. Первый былъ приговоренъ къ 12.000, второй къ 11.000 шпицрутеновъ. „Уже послѣ первой тысячи ударовъ,—разсказываетъ д-ръ Ильинскій,—спины преступниковъ побагровѣли, покрылись лоскутьями изрубленнаго мяса и спекшеюся кровью и вспухли, крики ихъ ослабѣли. Исполнители и здѣсь оказались очень жестокими. Полковникъ, распоряжавшійся экзекуціей, кричалъ во все горло, чтобы били крѣпче, не давали пощады; солдатъ, бившихъ слабо, замѣняли тотчасъ другими и самихъ наказывали тесакомъ... Послѣ 5000 ударовъ Быкова положили на телѣгу, которую везли два солдата, и еще дали 1000 ударовъ, Чайкина пришлось помѣстить въ телѣгу черезъ 3000 ударовъ и прибавить оказалось возможнымъ только 500. Тяжесть наказанія увеличивалась еще тѣмъ, что былъ сильный вѣтеръ, покрывавшій изсѣченныя спины наказанныхъ пылью. Обоихъ ихъ со слабыми признаками жизни отправили въ госпиталь, гдѣ они и умерли въ тотъ-же день. Несмотря на множество преступленій, совершенныхъ разбойниками, зрители были не на сторонѣ правосудія: въ толпѣ слышались рыданія, женщины падали въ обморокъ, нѣкоторые молились“.

Чѣмъ, кромѣ безмѣрной жестокости, отличалось подобное наказаніе отъ смертной казни?

По своду военныхъ постановленій высшимъ предѣломъ наказанія было 6000 ударовъ. Количество это было сохранено и позднѣйшими законами о ссыльно-каторжныхъ за тяжкія преступленія. По дѣламъ о холерныхъ безпорядкахъ и въ приговорахъ по крестьянскимъ волненіямъ въ 40-хъ гг. назначались шпицрутены отъ 1000 до 4000. Рекруту, провинившемуся только въ побѣгъ съ мѣста набора, полагалось 500 ударовъ. Шпицрутены полагались за идолопоклонство, чернокнижіе, легкомысленныя слова о Богѣ и святыхъ... Практика еще усиливала это разнообразіе: особыми указами разрѣшили гонять сквозь строй и ссыльныхъ невольниковъ, на крѣпостныхъ работахъ, и рабочихъ тульскихъ оружейныхъ заводовъ „за побѣги и развратное поведеніе“.

Запретныхъ областей для шпицрутеновъ не существовало. Излюбленной же областью особенно жестокаго примѣненія и шпицрутеновъ, и плетей была многострадальная россійская ссылка и вообще арестантская среда. О томъ,

что творилось въ этой области во времена близкія къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, правдиво и потрясающе-просто разсказалъ въ своихъ безсмертныхъ „Запискахъ изъ мертваго Дома“ Достоевскій, лично перенесшій и ссылку, и каторгу. Кроваво-яркія картины узаконеннаго бѣшенства и безпредѣльнаго ожесточенія власть имущихъ, нарисованныя имъ, не разъ по справедливости сравнивались съ картинами Дантоваго ада [1]). И эти картины—сама дѣйствительность того времени. Озвѣрѣлому „гастроному въ исполнительномъ искусствѣ“ Жеребятникову, который, лично руководя битьемъ шпицрутенами, въ сатанинскомъ упоеніи бѣгалъ за истязуемымъ по фронту и хохоталъ, заливался,—едвали уступалъ въ жестокости знаменитый Разгильдяевъ, бывшій на каторгѣ горнымъ начальникомъ въ 40-хъ годахъ. Ядринцевъ приводитъ въ своей книгѣ цѣлую острожную эпопею, въ которой Разгильдяевъ сравнивается съ Иваномъ Грознымъ, воплотившимъ въ себѣ, въ народномъ представленіи всю старинную россійскую „жесточь“. Орфановъ, другой изслѣдователь Сибирской ссылки, передаетъ, что „по преданію и разсказамъ очевидцевъ, Разгильдяевъ забилъ плетьми и розгами 2000 человѣкъ; каждый разъ, когда ссыльные шли съ работъ въ тюрьмы, то непремѣнно несли нѣсколько труповъ товарищей, засѣченныхъ на разрядѣ“ [2]).

Суровость того, какъ-бы отдѣльнаго, уголовнаго уложенія, которое существовало для ссыльныхъ, начала усиливаться, именно, въ 40—50-хъ г. г., на основаніи законовъ 1840 г. и—особенно—1855 г.г., хотя и замѣнившаго для ссыльныхъ кнутъ плетьми, но за то значительно усилившаго мѣру наказанія.

Кромѣ того, необходимымъ дополненіемъ всѣхъ наказаній, замѣнившихъ, согласно указовъ 1753 и 1754 г. г. смертную казнь за общія преступленія, и влекшихъ за собою ссылку въ каторжныя работы, были до 1817 г. рванье ноздрей и клейменіе, а до 1863 г.—только клейменіе.

Уложеніе 1845 г. признаетъ за клейменіемъ двѣ цѣли: карательную, какъ позорящій придатокъ наказанія, и полицейскую. Клейменію подлежали преступники мужскаго пола, осужденные въ каторжныя работы, неизъятые отъ тѣлесныхъ наказаній. До уложенія 1845 г. клеймили бу-

---

[1]) Джаншіевъ, „Эпоха Великихъ реформъ 10-е изданіе, стр. 193 и слѣд.

[2]). Цитировано у Таганцева, стр.“ 988.

квами „В. О. Р."; въ 1845 г. для каторжниковъ были назначены новыя клейма: 3 буквы „К. А. Т." (каторжный), для бѣглыхъ и бродягъ были установлены клейма съ особыми соотвѣтствующими буквами „Б" (бродяга), „С. К." (ссыльно-каторжный), „С. П." (ссыльно-поселенецъ). Уложеніе 1845 г. установило два способа наложенія клеймъ: 1) для каторжныхъ, подвергавшихся клейменію въ „усугубленіе" наказанія, клейма состояли изъ 3 мѣдныхъ пластинокъ; на каждой стальными иглами была выведена одна изъ буквъ „К. А. Т.". Пластинка прикрѣплялась къ неподвижной деревянной ручкѣ. Взявъ въ руку клеймо съ буквою „К.", укрѣпивъ его на лбу осужденнаго, палачъ ударялъ ладонью правой руки по концу рукоятки такъ, чтобы иглы вошли въ тѣло; такимъ-же образомъ налагались и двѣ остальныя буквы. На тѣлѣ оставалось множество ранокъ, которыя и натирали сначала порохомъ, а потомъ особымъ составомъ, изготовлявшимся по спеціальнымъ указаніямъ медицинскаго департамента [1]). 2) На бродягъ и бѣглыхъ клейма налагались безъ всякой торжественности въ полицейскихъ управленіяхъ около плеча на спинѣ посредствомъ особыхъ инструментовъ (штампа съ пружинами), при нажимѣ которыхъ иглы, составлявшія буквы, сразу входили въ тѣло.

Но пробѣлъ, оставшійся въ карательной системѣ послѣ отмѣны кнута, заполнялся не только плетьми, палками и шпицрутенами. Въ царствованіе Николая I огромное распространеніе пріобрѣтаетъ розга—эта, по удачному выраженію И. Алисова, „родная внучка кнута, родная дочь плети". Примѣненіе розги охватывало, говоритъ А. Тимофѣевъ, „широкій кругъ правонарушеній и дисциплинарныхъ провинностей во всѣхъ областяхъ человѣческаго существованія".

Розга—наименѣе жестокое изъ тѣлесныхъ наказаній. Но ошибочно было бы думать, что битье розгой не составляетъ серьезной угрозы и здоровью, и даже жизни наказы-

---

[1]). Старанія послѣдняго придумать нестирающійся составъ, не были впрочемъ, особенно успѣшны. Джаншіевъ приводитъ относящійся къ 50-мъ г. г. отзывъ Медицинскаго Совѣта относительно того, что „нѣтъ такого средства клейменія, посредствомъ котораго знаки оставались-бы неизгладимыми и что при настоящемъ состояніи науки оно признается недостижимымъ". Такъ примѣнялась медицина, призванная облегчать страданія человѣка!

ваемаго. Такъ, В. И. Семевскій въ своей извѣстной работѣ о необходимости отмѣны тѣлесныхъ наказаній, цитируетъ, между прочимъ, напечатанную въ „Военномъ Сборникѣ" за 1890 г. статью А. Афанасьева, имѣвшаго возможность наблюдать примѣненіе розги въ дисциплинарныхъ батальонахъ и ротахъ. „Отъ 100 ударовъ розгами,—свидѣтельствуетъ этотъ авторъ,—болѣе слабые на первыхъ порахъ лишаются чувствъ и потомъ болѣютъ печенью и легкими; послѣ 300 ударовъ остаются въ живыхъ только самые крѣпкіе, большинство-же умираетъ черезъ нѣсколько дней или нѣсколько мѣсяцевъ".

Уложеніе 1845 г. обобщило и систематизировало всѣ предшествовавшія постановленія, относившіяся къ розгѣ. Отказавшись отъ кнута, ставя на его мѣсто плети для тяжкихъ преступниковъ, редакторы Уложенія вмѣстѣ съ тѣмъ ставили себѣ цѣлью во что-бы то ни стало сохранить духъ прежней системы и назначить въ возможно большемъ числѣ случаевъ тѣлесныя наказанія. Но выборъ былъ ограниченъ; поэтому, воспользовались розгами, установивъ размѣръ наказанія въ 50—100 ударовъ. Примѣненіе розогъ было расширено и другимъ путемъ—въ замѣнъ заключенія въ смирительномъ, рабочихъ домахъ и тюрьмѣ, а также въ замѣнъ ареста. Кромѣ того, къ розгамъ могли приговариваться лица, состоящія на службѣ, но не изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, въ замѣнъ отрѣшенія и удаленія отъ должности или вычета изъ времени службы. Наказаніе розгами производилось черезъ полицейскихъ служителей, не публично [1]).

Подобно другимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, розги примѣнялись въ соединеніи съ различными мѣрами, строгость которыхъ онѣ должны были усиливать. По Уложенію 1845 г. наказаніемъ розгами сопровождалась отдача въ арестантскія роты или военную службу; розги назначались и самостоятельно—за различныя правонарушенія полицейскаго характера, какъ напримѣръ, перевозъ черезъ рѣку въ опасное время, разореніе птичьихъ гнѣздъ, игру въ карты или кости на деньги (послѣднее имѣло въ виду государственныхъ крестьянъ).

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, объемъ примѣненія розги по суду. Практика здѣсь шла несравненно дальше закона. Розги примѣнялись и въ качествѣ дисциплинарной мѣры, и по

[1]) Тимофеевъ, „Исторія и т д." стр. 215.

усмотрѣнію административной власти [1]). Розга во времена Николая I свиститъ вездѣ, гдѣ слабый такъ или иначе сталкивается съ сильнымъ...

Особенно широко примѣняется розга при усмиреніи крестьянскихъ волненій, число которыхъ въ царствованіе Николая I превысило 550. Вотъ какъ нѣкій Э-въ, бывшій жандармскій полковникъ, разсказываетъ о своихъ подвигахъ при усмиреніи удѣльныхъ крестьянъ въ Симбирской губерніи: „крестьянъ по одному опрашивали, отказывавшіеся повиноваться передавались жандарму, связывались и клались на землю; вечеромъ, наконецъ, прибѣгнули къ розгамъ: начали съ 70 ти лѣтняго старика и на мертваго уже надѣли кандалы; затѣмъ били еще 13 человѣкъ и только 14-й, послѣ 300 ударовъ объявилъ, что будетъ повиноваться“ [2]) Въ 1842 г. въ Пермской губ. слѣдующимъ образомъ усмиряли крестьянскій, такъ называемый, „картофельный бунтъ“. Крестьянамъ велѣно было встать въ знакъ покорности на колѣна. Затѣмъ явилось 4 воза: 2 съ розгами, 2 съ палками... розги

[1]) Крайне характерный документъ, показывающій, въ какихъ размѣрахъ пользовалась въ эти времена розгами администрація, былъ опубликованъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1897 г., № 180. Кіевское Губернское Правленіе 8 Апрѣля 1849 „слушали два отношенія губернскихъ правленій, одно Таврическаго отъ 5 Февраля, а другое Херсонскаго отъ 25 Февраля, въ коихъ, изъяснивъ, что въ Таврической и Херсонской губерніяхъ нѣтъ березовыхъ рощъ (!) изъ которыхъ-бы можно заготовлять розги для наказанія преступниковъ, просятъ сіе Правленіе увѣдомить, могутъ-ли быть заготовляемы въ Кіевской губерніи ежегодно для Таврической до 6000 и для Херсонской до 20000 пучковъ березовыхъ розгъ и во что обойдется доставка первыхъ въ Симферополь,—а послѣднихъ—въ Херсонъ. Приказали предписать всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ Кіевской губерніи, а также уѣзднымъ стряпчимъ, по собраніи изъ-подъ рук и (!) нужныхъ свѣдѣній и сообразуясь съ мѣстными удобствами, донести Губернскому Правленію, можетъ-ли быть заготовлено ежегодно прописанное количество розогъ для Таврической и Херсонской губерній, какимъ порядкомъ удобнѣе производить такое заготовленіе и доставку оныхъ и во что обойдутся, какъ заготовленіе, такъ и доставка оныхъ“.—См. Жбанковъ и Яковенко: „Тѣлесныя наказанія“ и т. д., стр. 18.

[2]) Норма, установленная закономъ (100 ударовъ), превзойдена здѣсь административною властью въ три раза... Очевидно, это-то и дало возможность г. Э...ву вывести изъ его подвиговъ слѣдующую истинно-русскую жандармскую мораль: „Тогда,—торжественно повѣствуетъ онъ,—и всѣ заговорили и просили простить... русскій человѣкъ искренне покоренъ и спокоенъ, когда за вину наказанъ, а безъ наказанія обѣщанія ничего не стоятъ. Наказанный боится быть виноватымъ вновь и успокаивается“. Для довершенія идилліи жандармъ сообщаетъ: „засѣченные ожили: отлили водой“.

и палки разложены были кучками, у каждой 2 солдата, одинъ съ розгами, другой—съ палками въ рукахъ. Сѣкли жестоко, „удары сыпались, несмотря на безчувственное состояніе большинства... Послѣ виновныхъ очередь дошла до общества, наказывали десятаго". [1]) Нормой, установленной закономъ, при подобныхъ экзекуціяхъ не руководились.— Не считались, само собою разумѣется, ни съ какими нормами и на помѣщичьихъ конюшняхъ, гдѣ обычно сѣкли крѣпостныхъ и помѣщики, и уполномоченныя лица—управляющіе, старосты. Не только розги, палки, плети, но и подлинныя истязанія въ родѣ лизанія языкомъ горячей печки и т. п. „фарсы кроваваго добродушія и ехидной веселости", по выраженію Щедрина, не переводились въ крѣпостномъ быту вплоть до самой отмѣны крѣпостного права.

Не менѣе широко—не только по суду, но и по усмотрѣнію начальства—употреблялись розги и среди военно-служащихъ, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. По свидѣтельству кн. Имеретинскаго, служившаго въ 40-хъ г.г. въ Преображенскомъ полку, полковой командиръ могъ дать до 800 розогъ! „Цифра эта,—говоритъ кн. Имеретинскій,—не опредѣлялась оффиціально, но разумѣлась, ибо самая крѣпкая натура не могла болѣе перенести". Иными словами: естественнымъ предѣломъ для наказанія была смерть истязуемаго. Разсказы другихъ военныхъ, служившихъ въ николаевскія времена, вполнѣ подтверждаютъ правильность справки кн. Имеретинскаго [2]).

---

[1]) А. Тимофеевъ, „Исторія и т. д." стр. 218 и слѣд...

[2]) До какой патетики способны были доходить въ эти времена въ своемъ розголюбствѣ представители власть имущихъ, показываетъ слѣдующій замѣчательный документъ, сообщенный К. К. Случевскимъ и перепечатанный въ книгѣ Жбанкова и Яковенко съ соблюденіемъ грамоты подлинника: «Приказъ резервной пѣхотѣ. Г. Нижній-Новгородъ. Сентября 12 дня 1835 года. № 35". „Осматривая арестантовъ на главной гауптвахтѣ, здѣсь и въ Пензѣ содержащихся, нашелъ я, что всѣ судимые за кражу и въ подозрѣніи смертоубійства, крайне огорчены, тяжкое горе разительно отражается на лицѣ каждаго изъ нихъ, и каждый очевидно отягченъ, или раскаяніемъ, или дѣйствительно, по словамъ ихъ невиннымъ оклеветаніемъ. Напротивъ того, всѣ дезертиры глядятъ весело, бодро, покойно, съ улыбкой и гнусная, поправшая вѣру Христову душа Клятвопреступныхъ измѣнниковъ, ликуетъ какъ будто на пиру!—Чтобы соблазну этому дать приличное направленіе, предписываю отъ нынѣ впредь, всѣмъ пойманнымъ изъ бѣговъ и содержащимся подъ стражею, во время судопроизводства, еженедѣльно, въ день Субботній, давать по 25 лозановъ въ щетъ тѣхъ ударовъ, которые будутъ имъ опредѣлены при рѣшеніи ихъ участи

Не менѣе излюбленной областью розги были въ этотъ періодъ и учебныя заведенія. Девизомъ педагогіи этого времени все еще продолжали быть старинныя вирши изъ букварей XVII в. „Похвала розогъ“:

Розгою Духъ святый дѣтище бить велитъ:
Розгою убо мало здравію вредитъ [1]).

И надо отдать справедливость дореформеннымъ педагогамъ: они съ полной добросовѣстностью слѣдовали велѣніямъ Духа свята. Знаменитый въ этомъ отношеніи Китченко, сперва инспекторъ Черниговской, а потомъ директоръ Житомірской гимназіи, поролъ по 50 учениковъ въ день, нѣкоторыхъ по два раза въ день. Разсказываютъ, что онъ не могъ спокойно смотрѣть на новичка, пока послѣдній не побывалъ подъ розгой. Китченко выдѣлялся своей жестокостью, но онъ не былъ исключеніемъ, какъ не были исключеніемъ порядки тѣхъ гимназій, въ которыхъ онъ вбивалъ розгою дѣтямъ въ голову науку. Розги разрѣшалъ уставъ гимназіи Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) округа: „позволяется отнынѣ, — гласилъ этотъ уставъ — тѣлесное наказаніе“. Уставъ гимназій С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго округовъ допускалъ тѣлесныя наказанія условно — „въ случаѣ недѣйствительности другихъ средствъ исправленія“. Въ Уставѣ Пажескаго корпуса розги скрывались подъ терминомъ „строжайшее наказаніе“, въ уставѣ Ришельевскаго лицея подъ терминомъ „чрезвычайное наказаніе“ и т. д. и т. п. Но практика, само собою разумѣется, мало стѣснялась условнымъ допущеніемъ розги. Такъ, напримѣръ, по статистикѣ Кіевскаго учебнаго округа за 1857—59 г.г. сѣченію розгами подвергалось 13—27% учащихся—1/4-я часть! Въ 11 гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа въ 1858 г. было высѣчено изъ 4108 учениковъ 561, т. е. почти 1/7 часть, а въ Житомірской изъ 600 было высѣчено 290—почти половина! Почтенные педагоги въ этомъ округѣ пользовались въ своей просвѣтительной дѣятельности тѣми „Правилами о про-

въ какое время неупустительно, полученные лозаны вычитать, по пословицѣ: долгъ платежомъ красенъ. Въ ссудѣ этой двѣ полозы: преступнику будетъ легче въ рѣшительную минуту, а мнѣ веселѣе думать, что измѣнившіе подъ моимъ начальствомъ Присягѣ, не смѣются. Кто не уважаетъ религіи, не признаетъ въ Царѣ Благодѣтеля и Отца, а въ родной намъ Россіи нѣжной матери, тому радоваться нечему. Подлинный подписалъ: Генералъ-Лейтенантъ Скобелевъ“.—

[1]) См. Джантіевъ, «Эпоха и т. д», стр. 192 и слѣд.

ступкахъ и наказаніяхъ", которыя Н. А. Добролюбовъ по заслугамъ заклеймилъ названіемъ „грязнаго и темнаго омута"...

Но особенно славились битьемъ духовныя семинаріи. Тамъ били не только розгами: палки, двухвостыя и трехвостыя плети были тамъ въ ходу не въ меньшей степени. Били не только учителя, но и старшіе воспитанники, имѣвшіе право давать плетью до 10 ударовъ. Несѣченные въ семинаріяхъ составляли необычайную рѣдкость. Н. Г. Помяловскій былъ сѣченъ по его счету 400 разъ! За одинъ разъ давали 300 и болѣе ударовъ и послѣ сѣченія ученика замертво на рогожѣ уносили въ больницу...

Не спасалъ отъ позорной порки и студенческій мундиръ. Свирѣпый попечитель кіевскаго учебнаго округа Бибиковъ „поролъ" студентовъ кіевскаго университета наравнѣ съ учениками гимназіи [1]).

Таково было въ общихъ чертахъ распространеніе и таковы были виды тѣлесныхъ наказаній въ Россіи въ концѣ первой половины XIX столѣтія. За исключеніемъ небольшой кучки привилегированныхъ, изъятыхъ отъ „порки" по закону, всю остальную многомилліонную Россію били и по закону и безъ закона и плетьми, и шпицрутенами, и палками, и розгами за малѣйшую провинность. Человѣку, не изъятому отъ тѣлесныхъ наказаній, мудрено было прожить свою жизнь, не будучи высѣченнымъ.

IV.

Какъ мы уже упоминали, исторія тѣлесныхъ наказаній въ самые послѣдніе годы царствованія Николая I и въ началѣ царствованія Александра II заключалась въ расши-

---

[1]) Въ педагогической области, можетъ-быть дольше, чѣмъ въ какой-либо другой продержался, между прочимъ, старинный принципъ „подбатожнаго равенства". Учить и бить было синонимомъ и въ высшихъ сферахъ. Вотъ какъ воспитывали дѣтей Павла I. „Со своими воспитанниками Ламздорфъ обращался строго, даже прямо жестоко. Великій князь Николай Павловичъ былъ мальчикъ характера живого и вспыльчиваго. Ламздорфъ старался его усмирить наказаніями и доводилъ дѣло до того, что позволялъ себѣ бить его линейками, шомполами, хваталъ мальчика за воротникъ или за грудь и ударялъ его объ стѣну такъ, что тотъ почти лишался чувствъ, и такое обращеніе съ воспитанниками нисколько не скрывалось: заявленія о жестокихъ наказаніяхъ, объ ударахъ шомполомъ постоянно встрѣчаются въ ежедневныхъ журналахъ. Н. Дубровинъ, „Матеріалы и черты къ біографіи Николая I". Цитировано у Жбанкова и Яковенко.

реніи числа лицъ, изъятыхъ отъ наказаній. Кромѣ того, 21-февраля 1855 г. состоялся законъ объ освобожденіи слабосильныхъ преступниковъ, въ томъ числѣ и женщинъ, отъ наказанія плетьми. Этотъ послѣдній законъ казался настолько радикальнымъ, что опубликовать его не рѣшились и лишь сообщили къ свѣдѣнію и исполненію губернаторовъ [1])

Но передъ правящей Россіей вставалъ уже грозный призракъ той отмѣны крѣпостного права снизу, о возможности которой говорилъ впослѣдствіи въ своей извѣстной рѣчи къ московскому дворянству Александръ II. Безчисленные симптомы показывали, что и въ области тѣлесныхъ наказаній, органически связанныхъ съ крѣпостничествомъ, какъ съ своей исторической основой, мелкія реформы недостаточны и что вмѣстѣ съ вопросомъ объ отмѣнѣ въ цѣломъ крѣпостного строя встаетъ во весь ростъ и вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Возмущеніе противъ тѣлесныхъ наказаній быстро возрастало среди просвѣщенныхъ элементовъ общества и выливалось въ страстныхъ протестахъ всегда, когда у придушеннаго общества была къ тому возможность. За-границей, на страницахъ „Колокола“, велъ пламенную агитацію противъ розги Герценъ, призывавшій въ 1860 г.—впрочемъ, тщетно—просвѣщенные элементы дворянства составить „Союзъ воздержанія отъ тѣлесныхъ наказаній“. Съ достаточною рѣзкостью ставили вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права и крайне многочисленные во второй четверти XIX столѣтія крестьянскія волненія. Характерно-же и показательно въ этихъ волненіяхъ было, въ частности, то, что доведенные до отчаянія крестьяне все чаще и чаще начинаютъ пользоваться тѣми-же средствами „воздѣйствія“, какими помѣщики держали въ повиновеніи крестьянъ: тѣлесными наказаніями. Такъ, помѣщикъ новгородской губерніи Головинъ былъ въ 1840 г. высѣченъ своими крестьянами. Въ 1843 г. дво-

---

[1]) Законъ этотъ былъ принятъ въ связи съ дѣломъ арестантки Колосовой, присужденной къ 75 ударамъ плети, но впавшей послѣ 14 ударовъ въ безчувственное состояніе. До этого времени не мало и мужчинъ, и женщинъ погибло, благодаря наказанію плетьми. Но на Колосову обратила вниманіе членъ попечительнаго комитета Потемкина, написавшая о ней Наслѣднику. Была образована особая комиссія по вопросу о примѣненіи тѣлесныхъ наказаній къ слабосильнымъ. Результатомъ работъ этой комиссіи и явился вышеупомянутый законъ.—См. Н. Таганцевъ, стр. 1110.

ровые капитана Шлихтинга высѣкли его розгами. Въ 1848 г. дворовые высѣкли арапникомъ князя Еникѣева. Въ 1850 г. крестьяне высѣкли розгами въ его комнатѣ полтавскаго помѣщика камергера и статскаго совѣтника Базилевскаго. „По частнымъ и достовѣрнымъ свѣдѣніямъ,—писалъ Ю. Самаринъ,—въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ—Тульской, Рязанской, Тверской—крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ“ [1]).

Мало того. По словамъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1842 г., „многочисленные случаи убійствъ крѣпостными помѣщиковъ и управляющихъ и покушенія на ихъ жизнь обратили вниманіе администраціи и вызвали необходимость приводить въ извѣстность... побудительныя причины, особенно въ томъ отношеніи, не происходятъ-ли онѣ отъ злоупотребленія помѣщичьей власти и не допускается-ли въ семъ послѣднемъ случаѣ послабленіе помѣщикамъ со стороны мѣстнаго начальства“.

По свѣдѣніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1835—54 г.г. было зарегистрировано 144 случая убійствъ крѣпостными ихъ господъ. Въ теченіе девяти лѣтъ—съ 1835 г. по 1843-й,—было сослано въ Сибирь крѣпостныхъ за убійство помѣщиковъ 298 мужчинъ и 118 женщинъ!

Рѣзкое отрицательное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ проявлялось и вообще среди низшихъ классовъ. Въ 40—50-хъ гг., по свидѣтельству того-же кн. Имеретинскаго, солдаты, по крайней мѣрѣ гвардейскіе, тяготились шпицрутенами. „Большинство,—свидѣтельствуетъ кн. Имеретинскій,—било очень легко... не взирая на строгое приказаніе; не только офицеры, но даже фельдфебеля смотрѣли сквозь пальцы на исполненіе, многіе отворачивались“. Тотъ-же авторъ разсказываетъ, что Николай I приказалъ однажды „примѣрно“ наказать 3000 шпицрутенами солдата, провинившагося на смотру; приговореннаго провели по „зеленой улицѣ“, но шпицрутены не били его, а только касались.

Это недовольство шпицрутенами, существовавшее не только среди солдатъ, но и среди офицеровъ, нашло себѣ впослѣдствіи, въ 1861 г., яркое выраженіе въ протестѣ 106 офицеровъ разныхъ родовъ оружія противъ статьи въ защиту тѣлесныхъ наказаній, появившейся въ „Военномъ Сборникѣ“.

[1]) П. Масловъ „Аграрный вопросъ въ Россіи“, т. II, стр. 26—27.

Къ концу 50-хъ гг. стало ясно, что крѣпостной строй доживаетъ послѣдніе годы, что его паденіе предрѣшено, какъ бы упорно ни отстаивала его помѣщичья Россія. Съ паденіемъ же крѣпостного строя должно было тѣмъ самымъ отпасть и право помѣщиковъ тѣлесно наказывать крестьянъ,— право, бывшее основой всей господствовавшей тогда карательной системы.

На первомъ планѣ стоялъ, конечно, вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Для правящихъ и помѣщичьихъ круговъ вопросъ этотъ сводился къ тому, каковъ тотъ maximum правъ, который можно сохранить за помѣщикомъ, какова та земельная площадь, которую можно сохранить за помѣщикомъ изъ земель, искони принадлежавшихъ крестьянамъ. И именно этотъ жгучій вопросъ о землѣ заслонялъ собою все остальное и приковывалъ къ себѣ все вниманіе.

И тѣмъ не менѣе, уже при выработкѣ первыхъ набросковъ проэкта крестьянской реформы, вопросъ о розгахъ, какъ естественной принадлежности крѣпостного состоянія, всталъ передъ правящими сферами [1]). Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ писемъ Ростовцева къ Александру II, писанное лѣтомъ 1858 г. Ростовцевъ писалъ: „Относительно наказаній осмѣлюсь еще присовокупить, что во всякомъ случаѣ о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать вовсе: во-первыхъ, это было-бы пятномъ настоящаго законодательства—законодательства объ освобожденіи“...

Вниманіе дворянскихъ комитетовъ было, конечно, почти цѣликомъ поглощено вопросомъ о землѣ и о выкупѣ крестьянскихъ повинностей. Вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ стоялъ на второмъ планѣ. Въ большинствѣ комитетовъ этого вопроса даже и не поднимали. Нѣкоторые—вологодскій, екатеринославскій, витебскій, самарскій, вятскій и др.—высказались въ лицѣ своего большинства за сохраненіе розги. Въ тульскомъ комитетѣ меньшинство соглашалось освободить отъ тѣлесныхъ наказаній только женщинъ. Оба владимірскихъ проэкта допускали отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ порядкѣ суда полицейскаго, но предлагали оставить ихъ для суда уголовнаго. Въ московскомъ комитетѣ меньшинство отстаивало немедленное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній во всѣхъ его видахъ, большинство-же—отмѣну въ крестьянскомъ судѣ. Самар-

---

[1]) См. Джаншіевъ. „Эпоха Великихъ Реформъ“ стр. 233 и с.

скій комитетъ великодушно предоставлялъ крестьянамъ право откупаться отъ розги, уплачивая по 30 к. за ударъ, т. е. предназначалъ тѣлесныя наказанія для неимущихъ.

Среди дворянскихъ депутатовъ, вызванныхъ въ редакціонную комиссію, было не мало противниковъ розги. Они указывали, главнымъ образомъ, на то, что тѣлесныя наказанія только ожесточаютъ, не достигая цѣли, что оставленіе розогъ въ законѣ можетъ довести крестьянъ до отчаянія, что штрафъ дѣйствительнѣе. Нѣкоторые члены комиссіи, высказываясь въ принципѣ за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, находили необходимымъ отложить эту отмѣну впредь до пересмотра карательной системы вообще. Были въ комиссіи и рѣшительные сторонники розги.

Голосъ предсѣдателя рѣшилъ дѣло въ пользу защитниковъ тѣлесныхъ наказаній. Освободить отъ розги освободительный актъ огромной важности не удалось, онъ появился на свѣтъ Божій съ тѣмъ „пятномъ", отъ котораго предостерегалъ въ своемъ письмѣ къ Александру II Ростовцевъ.

А исторія, непосредственно вслѣдъ за этимъ, связала освободительный актъ и его проведеніе въ жизнь съ такой вакханаліей розги, какой Россія до того времени, пожалуй, и не знала.

Согласно Положенія 19 февраля право мировыхъ посредниковъ подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ было ограничено 20 ударами розги, каковое право имѣли также и уѣздные предводители дворянства, дѣйствовавшіе въ роли мировыхъ посредниковъ до вступленія послѣднихъ въ должность. Но розги примѣнялись не только ими и не только полиціей, а отмѣченная выше норма оказалась сущей бездѣлицей по сравненію съ тѣми размѣрами, которые приняли тѣлесныя наказанія въ административномъ порядкѣ послѣ провозглашенія Положеній, вызвавшаго почти повсемѣстныя крестьянскія волненія [1]). Мекензи Уоллесъ, на основаніи многочисленныхъ разсказовъ очевидцевъ первыхъ шаговъ крестьянской реформы, приходитъ къ тому заключенію, что „никогда тѣлесныя наказанія не употреблялись такъ часто, какъ въ первые три мѣсяца по освобожденіи крестьянъ". Крестьянскія волненія охватили чуть не всю Россію. Въ 1861—1862 гг. больше чѣмъ въ 2000 селеній „вразумленіе"

[1]) См. Попельницкій. „Какъ принято было Положеніе 19 февраля освобожденными крестьянами", „Современный Міръ", 1911 г., № 3.

крестьянъ совершалось съ помощью воинскихъ командъ; иногда дѣло доходило до штыковъ и картечи, почти всегда— до розогъ и палокъ, при чемъ количествомъ, конечно, не стѣснялись. Пускались въ ходъ и шпицрутены... [1]).

Разъ пало крѣпостное право, стала неизбѣжной отмѣна тѣлесныхъ наказаній по суду. Но старая Россія словно хотѣла впередъ вознаградить себя за эту отмѣну, грандіозная „порка", происходившая по лицу земли русской въ 1861—62 гг., не имѣла, конечно, ровно ничего общаго съ какимъ-либо закономъ. Здѣсь дѣйствовалъ только законъ, обычный для карательныхъ экспедицій: воля и усмотрѣніе начальства.

И все-же, въ самый разгаръ этой вакханаліи „порки", офиціальной Россіи пришлось поставить, наконецъ, и вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ по суду.

Еще въ 1859 г., когда возникъ вопросъ объ освобожденіи женщинъ отъ публичнаго наказанія рукою палача, правительство, не находя возможнымъ сдѣлать это немедленно, обратилось къ главнымъ начальникамъ губерній съ запросомъ, какъ велико число женщинъ, подвергавшихся за послѣдніе годы публичнымъ наказаніямъ, какое впечатлѣніе послѣднія производятъ на публику, и можно-ли отмѣнить такое наказаніе, не рискуя ослабить страхъ законной кары. Почти всѣ отзывы свидѣтельствовали, что въ этихъ случаяхъ въ толпѣ зрителей обнаруживается выраженіе состраданія къ наказываемымъ, желаніе спасти

---

[1]) До какой степени тѣлесныя наказанія послужили орудіемъ проведенія въ жизнь Положеній, показываетъ тотъ „страхъ неимовѣрный" и тѣ легенды, которые распространились среди крестьянскихъ массъ по отношенію къ Положеніямъ. Интересныя свѣдѣнія объ этомъ приводитъ въ своей работѣ А. Попельницкій.—„Не замай,—говорилъ опытный мужикъ неопытному парню, рискнувшему раскрыть книжку Положеній,— за это, братецъ ты мой, т о в о, знаешь, какъ вашего брата". Л. Опухтинъ сообщалъ, что „крестьяне настойчиво его увѣряли, что въ концѣ Положеній есть статья, строго запрещающая м у ж и к а м ъ читать эти самыя Положенія. „А какой мужикъ станетъ эту книгу читать, того безпремѣнно пороть, безпремѣнно пороть. И клялись, и божились, что все это они слышали отъ набольшаго царева генерала, который пріѣзжалъ наказывать чтецовъ. Къ П. И. Якушкину одинъ изъ пришедшихъ къ нему стариковъ, подавая ему свой экземпляръ Положенія, или, по ихнему, волю, обратился съ такою рѣчью: „Да вотъ, Павелъ Ивановичъ, сдѣлай такую милость, покажи намъ въ нашей волѣ тое мѣсто, гдѣ сказано: кто эту книгу будетъ читать, того безпремѣнно сѣчь".—„С о в р е м е н н ы й М і р ъ", 1911 г., № 3, стр. 177.

ихъ предложеніемъ вступить съ ними въ бракъ, подкупомъ палачей и пр. Губернаторы-же—С.-Петербургскій и Новороссійскій—указали прямо на желательность полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ.

Становилось ясно, что въ этой области необходима крупная реформа. Въ защиту этой послѣдней начало проявляться теченіе даже среди высшей бюрократіи.

Въ концѣ марта 1861 г. князь Н. А. Орловъ, бывшій въ то время посланникомъ въ Брюсселѣ, представилъ Государю записку, заключавшую въ себѣ суровую критику болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній и доказательства необходимости ихъ отмѣны. Опираясь на тѣ положенія, что „тѣлесныя наказанія суть зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ“, что „въ христіанскомъ государствѣ не можетъ быть мѣропріятій“, благодаря которымъ возможны такія явленія, что „въ одномъ храмѣ... стоятъ два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ же проступокъ, но наказанные: одинъ—легкимъ арестомъ, другой—розгами“,—авторъ „Записки“ указываетъ на тѣ опасности, которыми грозятъ тѣлесныя наказанія при данныхъ условіяхъ... „У насъ бьютъ,—говоритъ онъ,—всякаго, кто только даетъ себя бить... Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ развитію человѣческой личности... Мы не далеки отъ того времени, когда тѣлесныя наказанія будутъ приводить къ открытому сопротивленію или къ самоубійству... Свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими вполнѣ огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ“.

Русскимъ „розголюбамъ“, готовымъ утверждать, что „русскій народъ не можетъ обойтись безъ розогъ“, князь Орловъ отвѣчалъ указаніемъ на то, что „тѣлесныя наказанія принесены на Русь татарами и узаконены бюрократіей. Тамъ же, гдѣ русскій народъ развился внѣ прямого вліянія монголовъ и чиновниковъ, тамъ вовсе не было тѣлесныхъ наказаній. На Дону, на Запорожьѣ, въ Сибири не было первое время ни кнута, ни плетей, ни розогъ“. Уменьшеніемъ числа ударовъ „не достигается хорошихъ результатовъ: розги не внушаютъ прежняго страха, а по прежнему унижаютъ достоинство человѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести. Нельзя не упомянуть, что у насъ существуетъ табель или прейсъ-курантъ проступковъ, съ пока-

заніемъ цѣны ихъ ударами розогъ. За кражу трехъ рублей—столько-то ударовъ и т. п. Это верхъ изобрѣтательности русской бюрократіи"—Кончилъ авторъ свою „Записку" критикой военныхъ судовъ: „Прогнаніе преступниковъ, по приговору военныхъ судовъ, сквозь строй шпицрутенами есть такая же квалифицированная смертная казнь, какъ четвертованіе или колесованіе. При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпицрутенами постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ, соотвѣтствующія если не всѣмъ, то большей части полученныхъ ударовъ. Сердце содрогается при мысли, что по буквѣ закона, если преступникъ лишится силъ итти по фронту, то его должно вести вдоль онаго, и если онъ испуститъ духъ, то его тѣло должно еще получить опредѣленное число ударовъ. На дѣлѣ, кажется, этого нынѣ не исполняютъ".

Будучи такимъ образомъ для своего времени рѣшительнымъ противникомъ тѣлесныхъ наказаній, авторъ „Записки", тѣмъ не менѣе, допускалъ ихъ по отношенію къ прошлому: „Употребленіе розогъ, какъ дисциплинарнаго наказанія въ арміи,—говоритъ онъ,—понятно (?) было въ прежнее время, когда въ арміи было много рекрутъ, сданныхъ въ наказаніе; теперь можно-бы отмѣнить тѣлесныя наказанія въ войскѣ, тѣмъ болѣе, что военное начальство и безъ розогъ имѣетъ во власти своей довольно различныхъ способовъ взысканія".

Наконецъ, кн. Орловъ указывалъ на то, что практика жестокихъ тѣлесныхъ наказаній начинаетъ уже встрѣчать непреодолимое препятствіе въ настроеніи самой арміи. „Солдатамъ,—пишетъ онъ,—давно стала отвратительной роль палачей, и при каждой экзекуціи начальство вынуждено повторять офицерамъ: господа, смотрите чтобы люди били покрѣпче. Между тѣмъ въ гвардіи шпицрутенъ часто только поверхностно касается преступника".

Записка оканчивалась напоминаніемъ о томъ, что „приближается тысячелѣтіе Россіи: крѣпостное право уничтожено, остается дополнить спасительное преобразованіе отмѣной тѣлесныхъ наказаній".

„Записка" кн. Орлова была передана въ комитетъ при II отдѣленіи Е. И. В. Канцеляріи. Комитетъ призналъ соображенія „Записки" идущими на встрѣчу его собственному мнѣнію, но до окончательнаго заключенія постановилъ, въ виду важности этого „жизненнаго" вопроса, затребовать

отзывы военнаго и морского министерствъ Военный министръ г.-а. Сухозанетъ соглашался лишь на отмѣну шпицрутеновъ, но настаивалъ на сохраненіи рогозъ до 100 ударовъ безъ суда и до 300 ударовъ по суду. Въ противоположность этому, генералъ-адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ высказался за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, допуская ихъ, впрочемъ, „лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда въ самомъ дѣлѣ нѣтъ возможности обойтись безъ нихъ“, въ частности допуская въ войскахъ „по собственному усмотрѣнію начальниковъ“ розги не свыше 50 ударовъ.

Въ мнѣніи Великаго Князя рядомъ съ соображеніями, диктуемыми чувствомъ человѣчности, очень видное мѣсто занимаетъ отрицательная оцѣнка тѣлесныхъ наказаній съ точки зрѣнія ихъ государственной цѣлесообразности. „Тѣлесныя наказанія,—писалъ Великій Князь,—составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей“. До полнаго отрицанія тѣлесныхъ наказаній авторъ, впрочемъ, не доходилъ. „Тѣлесныя наказанія,—писалъ онъ,—могутъ быть терпимы въ государствѣ лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда въ самомъ дѣлѣ нѣтъ возможности обойтись безъ нихъ, и этою только необходимостью, при существовавшемъ у насъ личномъ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ, можетъ быть объяснена дѣйствующая у насъ система уголовно-исправительныхъ тѣлесныхъ наказаній... Теперь-же, когда крестьяне освобождены изъ подъ личной зависимости помѣщиковъ, настоятельно необходимо озаботиться о принятіи другой системы наказаній и взысканій: это необходимо не только изъ чувства человѣчности, но и для предупрежденія конечной порчи народной нравственности, для обезпеченія спокойствія и общественнаго порядка въ государствѣ“. Выводы, къ которымъ приходилъ авторъ, не были столь категоричны. Въ этихъ выводахъ предлагалось принять „безъ всякаго отлагательства“ мѣры къ смягченію жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и къ ограниченію случаевъ примѣненія ихъ и изыскать „въ городахъ и селахъ способы къ постепенной замѣнѣ тѣлесныхъ наказаній иными взысканіями“.

Что касается тѣлесныхъ наказаній для военно-служащихъ, то великій князь доказывалъ, что отмѣнить ихъ, или

во всякомъ случаѣ смягчить, необходимо въ интересахъ поддержанія дисциплины, во имя которой выступаютъ защитники тѣлесныхъ наказаній. „Ни жестокость тѣлесныхъ казней и наказаній,—писалъ онъ,—ни частое употребленіе ихъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины, а, напротивъ, жестокость тѣлесныхъ наказаній и неумѣренное употребленіе ихъ, безъ крайней въ томъ необходимости и безъ достаточнаго зрѣлаго обсужденія проступка виновнаго, могутъ ослаблять силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами, поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія".

Очень рѣзко осуждаетъ Великій Князь и побои, широко практиковавшіеся администраціей: „Наши полицейскіе чиновники,—писалъ онъ,—привыкли такъ легко смотрѣть на побои простого народа, и высшія мѣстныя власти смотрятъ по большей части съ такою легкостью на это злоупотребленіе, что каждый изъ нихъ считаетъ себя въ правѣ употребить розги и побои, когда ему вздумается".

Въ общемъ, и кн. Орловъ, и Великій Князь стояли, такимъ образомъ, на той точкѣ зрѣнія, что при новыхъ общественныхъ условіяхъ, къ которымъ переходила Россія, тѣлесныя наказанія должны быть уничтожены въ интересахъ охраны и упроченія государственнаго строя страны. Отзвукъ той мысли, которую выдвинулъ въ своей рѣчи къ московскому дворянству Александръ II,—слышится въ „Запискахъ" и кн. Орлова и Великаго Князя.

На ту-же либерально-охранительную точку зрѣнія сталъ въ своихъ рѣшеніяхъ и комитетъ. Осуждая прошлую политику правительства, которое „ошибочно стремилось только къ устрашенію, а потому прибѣгало къ тѣлеснымъ наказаніямъ", комитетъ указывалъ, между прочимъ, на то, что съ отмѣной кнута въ 1845 г. число преступленій уменьшилось на 20%, а съ 1855 г. по 1858 г. уменьшилось число преступниковъ не смотря на то, что въ силу манифестовъ 1855—1856 гг. плети и клейменіе не примѣнялись. Наконецъ, комитетъ указывалъ также на то, что народъ не только не выказываетъ отвращенія къ тѣлесно наказываемому преступнику, но напротивъ выражаетъ свое отвращеніе къ истязанію и свои симпатіи къ истязуемому: на эшафотъ бросаютъ деньги, стараются подкупить палача, соглашаются даже жениться на наказываемыхъ преступницахъ, предполагая этимъ путемъ избавить ихъ отъ тѣлес-

наго наказанія. Затѣмъ комитетъ указывалъ на то, что въ послѣднее время невозможно было найти среди преступниковъ желающихъ итти въ палачи, хотя по закону 1833 г. принятіе должности „заплечныхъ дѣлъ мастера“ освобождало отъ ссылки въ Сибирь [1]).

Исходя изъ этихъ соображеній, а также согласно изложенному въ „Запискѣ“ кн. Орлова и отзывамъ высшаго военнаго начальства, комитетъ высказался въ пользу отмѣны тѣлесныхъ наказаній, но полной послѣдовательности при этомъ не проявилъ. Комитетъ допускалъ тѣлесныя наказанія при невозможности замѣнить ихъ другими карательными мѣрами (недостатокъ мѣстъ заключенія). Женщинъ комитетъ находилъ возможнымъ отъ тѣлесныхъ наказаній освободить, но для женщинъ ссыльныхъ считалъ необходимымъ сохранить розги. Для ссыльныхъ мужчинъ предполагалось замѣнить шпицрутены плетью, а тѣлесныя наказанія при ссылкѣ и отдачѣ въ арестантскія роты замѣнить увеличеніемъ (для неизъятыхъ) срока заключенія, клеймо предполагалось перенести съ лица на плечо.

Вопроса о самомъ существованіи тѣлесныхъ наказаній комитетъ поставить не находилъ нужнымъ. Степень отмѣны тѣлесныхъ наказаній должна была, въ его пониманіи, соотвѣтствовать степени отмѣны крѣпостного состоянія вообще; разъ не вырывалось съ корнемъ это послѣднее, очевидно нельзя было выпускать розгу изъ рукъ...

Тѣмъ не менѣе, поклонники старины и „кнутофилы“, охваченные, по выраженію извѣстнаго дѣятеля 60-хъ гг. Д. А. Ровинскаго, „болѣзненнымъ страхомъ за нажитыя выгоды... вопили нестройнымъ хоромъ... пѣснь“ о томъ, что съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній „никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ-де поручиться, живъ-ли встанетъ, и что-де всякая дисциплина... рушится“.

Заключеніе комитета было представлено на разсмотрѣніе высшихъ представителей чиновной знати. Необходимость извѣстныхъ уступокъ, неизбѣжность отмѣны тѣлесныхъ наказаній, изъ-подъ которыхъ исторія уже выдернула ихъ вѣковую основу—крѣпостное состояніе,—была настолько очевидна, что противъ предположеній комитета выступили только государственный контролеръ Анненковъ, министръ юстиціи (!) Панинъ и московскій митрополитъ Филаретъ.

---

[1]) Джаншіевъ, „Эпоха Великихъ Реформъ“, стр. 203 и слѣд.

Не рѣшаясь защищать тѣлесныя наказанія прямо, Аннепковъ выдвигалъ на защиту ихъ аргументы косвеннаго характера. Онъ лишь утверждалъ, что въ эпоху преобразованія всѣхъ основъ государственнаго быта, при „политическихъ смутахъ", „всякое измѣненіе системы наказаній совершенно несвоевременно, всякое заявленіе по сему предмету намѣреній опасно и вредно, потому что возбужденные тѣмъ вопросы и толки могутъ еще болѣе ослабить страхъ наказанія, еще сильнѣе поколебать власть и безъ того уже ослабленную, могутъ совершенно ее парализовать".

По существу пытался защищать тѣлесныя наказанія типичный представитель старо-русской „жесточи" министръ юстиціи гр. Панинъ. Онъ считалъ невозможнымъ разстаться съ клейменіемъ, съ шпицрутенами, съ плетьми даже для женщинъ. Онъ утверждалъ, что съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній установилась-бы полная безнаказанность для народа: „тѣлесное наказаніе, какъ самое физически чувствительное, вполнѣ понятно простолюдину, и, не имѣя и потерявъ нравственное достоинство, преступникъ сознаетъ въ тѣлесномъ наказаніи чувствительное возмездіе за совершенное имъ злодѣяніе. Въ народномъ понятіи тѣлесное наказаніе есть единственное наказаніе, возбуждающее страхъ, и отмѣна разомъ вовсе сего наказанія въ грубыхъ понятіяхъ нѣкоторыхъ преступниковъ и ихъ среды была-бы равносильна отмѣнѣ всѣхъ уголовныхъ наказаній".

Такъ говорилъ русскій министръ юстиціи во второй половинѣ XIX столѣтія—въ самый разгаръ „эпохи великихъ реформъ".

Такъ, или приблизительно такъ, говорили представители правящей Россіи всякій разъ, когда жизнь ставила ихъ передъ необходимостью смягчать крайнія формы устрашенія, а окостенѣвшая въ рутинѣ мысль ихъ не позволяла имъ понять, что эти крайнія формы начинаютъ уже поворачиваться своимъ остріемъ противъ нихъ самихъ, что надо отдавать часть, чтобы спасти цѣлое.

И имъ приходилось уступать. Точно также и гр. Панинъ не могъ,—говоритъ А. Тимофеевъ,—защитить дѣла, которое было уже проиграно; онъ долженъ былъ признать, что предшествовавшее законодательство представляло изъ себя картину постепенныхъ уступокъ, медленно, но вѣрно разрушавшихъ лѣстницу тѣлесныхъ наказаній, но логическаго вывода, къ которому вело такое постепенное уничтоженіе,

министръ не хотѣлъ видѣть и допускалъ только частичныя смягченія—въ родѣ замѣны клейменія наложеніемъ знаковъ на плечи и т. п.

Какъ типичный русскій бюрократъ, гр. Панинъ превратился въ сторонника новшествъ, когда послѣднія противъ его воли вошли въ жизнь.

Но наиболѣе непоколебимымъ защитникомъ тѣлесныхъ наказаній оказался представитель церкви, митрополитъ Филаретъ, выступившій какъ-бы нарочно для того, чтобы опровергнуть одинъ изъ главныхъ аргументовъ иниціатора законодательной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, кн. Орлова: „святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію".

Свѣтскіе противники реформъ, какъ говоритъ А. Тимофеевъ, вынуждены были къ уступкамъ и осторожности; митрополитъ высказался свободнѣе. Его страстно написанное слово о тѣлесныхъ наказаніяхъ представляло собою, по вѣрному опредѣленію проф. Таганцева, прямое „глумленіе надъ доводами „Записки" Орлова".

Филаретъ писалъ, что вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ касается только государства, а не Церкви; если государство можетъ отказаться отъ этого наказанія, „христіанство одобритъ сію кротость, въ противномъ случаѣ не осудитъ строгости, только-бы наказаніе было справедливо и не чрезмѣрно" условія, по справедливому замѣчанію А. Тимофеева, при тѣлесныкъ наказаніяхъ совершенно невозможныя). Думаютъ,—аргументировалъ далѣе представитель христіанской кротости,—что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность, но „нельзя думать, что Господь Богъ черезъ Моисея узаконилъ тѣлесныя наказанія („четыредесять ранъ да наложатъ ему", Второзаконіе, XXV, 3) для разрушенія нравственности народа" [1]). Отмѣнить тѣлесныя наказанія невозможно, по мнѣнію Филарета, и потому, что если всѣхъ сажать въ тюрьму, то понадобится въ большомъ городѣ особый тюремный городъ.

Поистинѣ знаменательно, что какъ разъ въ поворотные моменты исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи высшіе

---

[1]) „Іерархъ упускалъ изъ виду,—замѣчаетъ по этому поводу А. Тимофеевъ,—что Моисеевымъ закономъ устанавливается и казнь побіенія камнями, о примѣненіи которой на этомъ основаніи, однако, никто не говорилъ".

представители Церкви тормозили дѣло смягченія этихъ наказаній и оказались позади даже высшихъ представителей власти свѣтской. Такъ было въ 1742 г., когда шла рѣчь объ установленіи возраста, до котораго нельзя подвергать пыткѣ, и когда по настоянію представителей чернаго духовенства, и въ противоположность мнѣнію сенаторовъ, предлагавшихъ 17-ти лѣтній возрастъ,—малолѣтними постановлено было считать только дѣтей до 12 лѣтъ!

Но на этотъ разъ голосъ представителя Церкви въ защиту тѣлесныхъ наказаній не былъ услышанъ. Средневѣковое изувѣрство разбилось о сознаніе необходимости уступокъ...

Съ послѣдними, впрочемъ, не торопились. Около двухъ лѣтъ понадобилось для того, чтобы проэктъ Комитета поступилъ, наконецъ, въ Государственный Совѣтъ. Комитетъ предлагалъ отмѣнить добавочныя тѣлесныя наказанія и клейменіе и высказался за полную отмѣну тѣлесныхъ наказаній для женщинъ; отмѣну-же тѣхъ тѣлесныхъ наказаній, которыя налагались взамѣнъ тюремнаго заключенія, предлагалъ отложить до переустройства тюремъ. Комитетъ, въ заключеніе, самъ признавалъ, что этимъ будетъ сдѣлана лишь половина дѣла и реформа—не закончена. Тѣмъ не менѣе, реакціонная партія оказала и этому скромному проэкту самое энергичное противодѣйствіе, стараясь эксплуатировать въ свою пользу крестьянскія волненія, общее политическое броженіе, начинавшееся тогда въ странѣ, не понимая, что именно эти волненія, это броженіе не позволяли далѣе ждать съ уступками. Неизбѣжность послѣднихъ была, все-же, для высшихъ представителей власти настолько очевидна, что въ Государственномъ Совѣтѣ нашелся одинъ только защитникъ плети и торговой казни—все тотъ-же Панинъ, отстаивавшій плеть и соглашавшійся лишь уменьшить число ударовъ со ста на пятьдесятъ.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній послѣдовала 17 апрѣля 1863 г. Эта отмѣна носила тѣ же черты половинчатости, какія носила и основная реформа 60-хъ г.г. Она была далеко не полной. „Нерѣшительность и опасенія старыхъ партій,—говоритъ А. Тимофеевъ, [1])—сказались даже въ заглавіи указа· не объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, а „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ“—подъ такимъ

[1]) „Исторія тѣлесныхъ наказаній“, стр. 122.

скромнымъ [1]) заглавіемъ былъ изданъ законодательный актъ, наносившій жестокій ударъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Соотвѣтствующій указъ Правительствующему Сенату былъ написанъ, по вѣрному опредѣленію г. Джаншіева,—„сухимъ, приказно-шаблоннымъ языкомъ", при чемъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній мотивировалась въ немъ желаніемъ „еще точнѣе соразмѣрить кару оныхъ (наказаній) съ свойствомъ и степенью преступленій". И только въ приказахъ по военному и морскому вѣдомствамъ имѣлся одинъ цвѣтокъ оффиціальнаго краснорѣчія, гласившій, что указъ 17 апрѣля вызванъ желаніемъ „явить новый примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи и возвысить нравственный духъ нижнихъ чиновъ".

„Нравственный же духъ" самой бюрократіи, проводившей эту реформу, ярко сказался въ половинчатости послѣдней. Существенная часть новаго закона сводилась къ слѣдующему: болѣе жестокія тѣлесныя наказанія—шпицрутены для военнаго вѣдомства, кошки для морского и плети для лицъ гражданскаго вѣдомства отмѣнены в о в с е; отмѣняется также наложеніе клеймъ и штемпельныхъ знаковъ; лица женскаго пола, к р о мѣ с с ы л ь н ы х ъ, вовсе изъемлются отъ тѣлесныхъ наказаній. Самостоятельное наказаніе розгами по извѣстнымъ статьямъ Уложенія замѣнено тюрьмой. Замѣна розгами тюрьмы, смирительнаго и рабочаго домовъ и ареста оставлены при явной невозможности исполнить назначенное наказаніе. Всѣ безпорочно служащіе нижніе чины освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній. Для солдатъ-же, переведенныхъ по суду въ разрядъ штрафованныхъ, оставлены розги въ дисциплинарныхъ батальонахъ—до 50 ударовъ по приказу полкового командира. Во флотѣ, впредь до устройства мѣстъ заключенія, оставлены розги до 200 ударовъ; во время плаванія розги могутъ замѣняться линьками до 100 ударовъ. Наказаніе розгами оставлено и для крестьянъ по приговорамъ волостныхъ судовъ.

Для ссыльныхъ были оставлены шпицрутены; но черезъ полгода, вслѣдствіе представленія военнаго министра, указывавшаго, что съ отмѣною шпицрутеновъ въ войскахъ

---

[1]) О скромности здѣсь приходится говорить не въ тотъ смыслѣ, что авторы этой реформы считали послѣднюю скромной по существу и придали ей, поэтому, скромное названіе, а въ томъ, что они старались избѣжать всякаго шума вокругъ этой реформы и провести ее такъ, чтобы на нее обратили какъ можно меньше вниманія.

нельзя возлагать на солдатъ неприличную ихъ званію обязанность быть исполнителями тѣлесныхъ наказаній,—шпицрутены были отмѣнены и для ссыльныхъ, но лишь для того, чтобы поставить на ихъ мѣсто плеть. Въ случаѣ побѣга или новаго важнаго преступленія каторжные подлежали наказанію плетьми и прикованію къ телѣжкѣ отъ одного года и до трехъ лѣтъ, Но при этомъ плеть была изгнана изъ предѣловъ европейской Россіи и стыдливо водворена въ Азію: наказаніе плетьми перенесено въ Сибирь и должно совершаться не публично.

Въ августѣ 1864 г отмѣнено тѣлесное наказаніе для Царства Польскаго. Въ этомъ-же году Государственный Совѣтъ изгналъ розгу изъ мирового суда. Мотивировалось это тѣмъ, во 1-хъ, что для населенія, привыкшаго съ дѣтства къ розгамъ, послѣднія лишены всякой устрашительной силы, во 2-хъ-же тѣмъ, что тѣлесное наказаніе „признано всѣми въ высшей степени позорнымъ и несоотвѣтствующимъ современнымъ потребностямъ общества и положительно вреднымъ, препятствуя смягченію нравовъ народа". Эти мотивы были приняты 17 голосами противъ 6. Но ни эта категоричность мотивовъ, ни эта значительность большинства, осудившаго тѣлесное наказаніе, не помѣшали тому, что въ видѣ факультативной мѣры для общихъ судовъ розга была сохранена въ Уложеніи 1866 г..

Реформа 1863 г. касалась только тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ по суду. Но административное „усмотрѣніе", такъ неразрывно связанное въ Россіи съ битьемъ, оставалось нетронутымъ; обыватель по прежнему оставался неогражденнымъ отъ кулачной расправы со стороны административныхъ властей всѣхъ ранговъ. Для послѣднихъ было достаточно того, что розга, вообще битье, въ томъ или иномъ видѣ носила на себѣ санкцію закона; тамъ, гдѣ розга въ томъ или иномъ видѣ узаконена, совершенно неизбѣжно и битье внѣзаконное. Борьба съ этимъ послѣднимъ при такихъ условіяхъ всегда будетъ носить палліативный характеръ. Но и въ этихъ предѣлахъ было сдѣлано крайне мало. Вышеупомянутый Комитетъ обратилъ свое вниманіе на этотъ вопросъ, но ограничился чисто платоническимъ пожеланіемъ. „Во избѣжаніе своеручныхъ расправъ, практикуемыхъ исполнительными властями", Комитетъ предлагалъ министру внутреннихъ дѣлъ принять мѣры къ внушенію начальствующимъ полицейской частью, что собственноруч-

ные побои будутъ подвергаться строгому преслѣдованію и наказанію. Въ видахъ обезпеченія болѣе строгаго преслѣванія Комитетъ полагалъ, что „такія расправы слѣдуетъ передать на разсмотрѣніе не начальства виновныхъ, а общихъ судовъ". Подлѣднее частное предложеніе Комитета не осуществилось полностью и понынѣ. Что касается общаго пожеланія, то принадлежало оно, по просту, къ числу тѣхъ, которыми вымощенъ адъ...

Розга въ волостномъ судѣ, какъ мы упомянули, осталась. Въ 1861 г., при выработкѣ положеній, за розгой сохранили силу временно, впредь до пересмотра общаго вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Особенно торопиться было некуда, розга съ огромной энергіей дѣйствовала въ это время во внѣ-законномъ порядкѣ. Къ этому пересмотру приступили въ 1863 г... На этотъ разъ къ услугамъ власть имущихъ оказалась другая причина, помѣшавшая коснуться розги въ волостномъ судѣ. Оказалось, что только-что объявленному положенію грозитъ-де большая опасность со стороны реакціонныхъ силъ, что пересмотръ положенія съ точки зрѣнія допустимости тѣлесныхъ наказаній можетъ-де повести къ тому, что будетъ поколеблено самое положеніе 19 февраля [1]). Совершенно ясно, что выбросить розгу изъ положенія значило-бы не поколебать его, а только укрѣпить то лучшее, что въ этомъ актѣ содержалось. Тѣмъ не менѣе, розга осталась... во спасеніе освободительнаго акта 19 февраля.

Въ новомъ изданіи уложенія о наказанія 1866 г. списокъ тѣлесныхъ наказаній по суду ограничивается плетьми, розгами и наложеніемъ оковъ, съ перечисленіемъ 62 группъ лицъ, изъятыхъ вовсе отъ тѣлесныхъ наказаній.

Въ изданіи уложенія 1886 г. впервые были показаны отмѣненными статьи 78, 80 и 82 уложенія, разрѣшавшія до 1885 г. судамъ, въ случаѣ явной невозможности подвергнуть заключенію въ рабочемъ и исправительномъ домахъ, тюрьмѣ или подъ арестомъ, замѣнить эти наказанія розгами до 100 ударовъ. Тѣмъ самымъ, de jure, съ 1886 г. въ судебномъ порядкѣ (кромѣ волостныхъ судовъ) нельзя уже было присуждать къ наказанію розгами.

---

[1]) Г. Джаншіевъ, „Эпоха Великихъ реформъ", стр. 232 и слѣд.

Въ 1893 г. состоялась отмѣна тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ женщинъ.

Въ 1900 г. отмѣнено было наказаніе розгами отъ 30 до 40 ударовъ, назначаемое судомъ для бродягъ, не помнящихъ родства, за ложное показаніе передъ судомъ [1]).

V.

Какова-же была дальнѣйшая судьба тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, какова была, въ частности, судьба реформы 17 апрѣля 1863 года?

На статистическомъ конгрессѣ во Флоренціи въ 1881 г. произошло нѣчто подобное тому, что произошло на брюссельскомъ конгрессѣ криминалистовъ въ 1848 г. Изъ двухъ представителей Россіи, передъ изумленными иностранцами, одинъ утверждалъ, что тѣлесныя наказанія въ Россіи отмѣнены, а другой, что они существуютъ [2]).

Первый представитель закончилъ свое заявленіе именно тамъ, гдѣ его надо было начать. Наибольшій интересъ имѣютъ не тѣ тѣлесныя наказанія, которыя отошли въ прошлое, а тѣ, которыя продолжаютъ позорить собою настоящее.

Начиная съ 1893 г. женскую половину населенія Россіи можно считать избавленной,—по крайней мѣрѣ по суду,— отъ какихъ-бы то ни было тѣлесныхъ наказаній.

Среди мужского-же населенія, еще во второй половинѣ 90-хъ г.г. прошлаго столѣтія тѣлесныя наказанія примѣнялись въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ дисциплинарныхъ батальонахъ для штрафованныхъ по суду солдатъ, для сосланныхъ въ Сибирь въ катаржныя работы и на поселеніе— розги; 2) для каторжныхъ, совершившихъ побѣгъ или новое преступленіе—плети и прикованіе къ телѣжкѣ (отъ 1 до 3 лѣтъ): 3) за уголовныя преступленія, подсудныя волостнымъ судамъ—розги до 20 ударовъ, при чемъ опредѣленныя группы изъ крестьянскаго сословія изъяты отъ этого вида наказанія; 4) по усмотрѣнію высшей администраціи въ видѣ экзекуцій при народныхъ волненіяхъ или даже для предупрежденія ихъ — розги безъ опредѣленія

---

[1]) Характерно, что это наказаніе сохранялось въ противность основному принципу уголовнаго судопроизводства 1864 г., устранившему всякое принужденіе подсудимыхъ показывать на судѣ правду.

[2]) Г. Джаншіевъ, „Эпоха и т. д.“ стр. 219.

максимальнаго количества ударовъ, такъ-какъ въ этомъ случаѣ нельзя опереться ни на какой законъ [1]).

Что касается нижнихъ воинскихъ чиновъ, то по воинскому уставу въ изданіи 1875 г., послѣ введенія общей воинской повинности замѣна одиночнаго заключенія розгами отъ 50 до 200 ударовъ допускалась только для нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ [2]). До этого времени такая замѣна допускалась по отношенію ко всѣмъ нижнимъ чинамъ, состоящимъ на срочной службѣ, не пользующимся особыми правами состоянія и не имѣющимъ нашивки. И начиная съ 1875 г. количество военно-служащимъ, подвергнутыхъ тѣлеснымъ наказаніямъ по суду, начало быстро падать; въ этомъ году оно превышало 2000, къ 1895 г. оно опустилось ниже 300.—Д-ръ Бушуевъ, имѣвшій возможность близко наблюдать примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ дисциплинарныхъ ротахъ и батальонахъ, указываетъ, что во второй половинѣ 90-хъ г. г. въ нихъ наказывалось отъ 5 до 10% всѣхъ людей. И уже въ эти годы солдаты, за рѣдкими исключеніями, боялись или стыдились розги и прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы избавиться отъ нея. Нѣкоторые,— разсказываетъ д-ръ Бушуевъ, — совершаютъ даже новыя преступленія, чтобы снова подвергнуться суду и ссылкѣ въ Сибирь, или даже предпочитаютъ розгамъ смерть. На нѣкоторыхъ тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ настолько возбуждающимъ образомъ, что они здѣсь-же, на мѣстѣ, оскорбляютъ офицеровъ, наблюдающихъ за сѣченіемъ.

Но если законъ предназначалъ розгу только для штрафованныхъ, то это не значитъ, что нештрафованные нижніе чины были застрахованы отъ побоевъ. Послѣдніе въ широкой степени практиковались въ 90-хъ г.г., какъ показываетъ энергичная борьба, которую велъ въ это время извѣстный генералъ Драгомировъ съ офицерами, прозванными имъ-же „мордобойцами“. Случаи подобнаго рода и теперь еще иногда проникаютъ въ печать, но съ увеличеніемъ процента грамотныхъ въ арміи, съ увеличеніемъ процента горожанъ, приносящихъ съ собою болѣе высокую степень сознанія человѣческаго достоинства и духъ самостоятельности, солдатъ перестаетъ быть той „сѣрой скотин-

---

[1]) См. Д. Н. Жбанковъ и Вл. И. Яковенко: „Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время“, стр. 28 и слѣд.

[2]) Число штрафованныхъ въ войскахъ достигало 10.000.

кой", надъ которой могли издѣваться офицеры-„мордобойцы", и въ этомъ—вѣрнѣйшій залогъ исчезновенія побоевъ изъ арміи.

А. П. Чеховъ имѣлъ возможность наблюдать примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ 90-хъ г.г. на каторгѣ. „Розги, плети, прикованіе къ телѣжкѣ, писалъ онъ въ своей книгѣ „Островъ Сахалинъ" (1895 г.),—наказанія, позорящія личность преступника, причиняющія его тѣлу боль и мученія,—примѣняются здѣсь широко". О томъ-же свидѣтельствовалъ въ 1898 г. другой непосредственный наблюдатель—д-ръ Лобасъ. Изъ повторныхъ преступниковъ и бродягъ,—говоритъ этотъ авторъ,—многіе получили по 400—500 и болѣе плетей; одинъ бродяга. по его счету, получилъ 1400 палокъ, 200 плетей, розогъ не считалъ. Исполнителемъ судебныхъ приговоровъ является палачъ, обыкновенно „самый отпѣтый, оголтѣлый, всѣми презираемый человѣкъ"... При извѣстной ловкости и опытности, „онъ можетъ или легко наказать свою жертву, или изувѣчить и даже забить до смерти, что бывало часто прежде, и иногда и теперь"...—Розги—не въ меньшей степени бичъ ссылки и каторги, чѣмъ плети, такъ какъ плеть назначается только судомъ, а розги по усмотрѣнію одного лица. Начальники тюремъ и округовъ могутъ назначать 30—100 ударовъ розогъ, не спрашивая мнѣнія врача, почему нерѣдко наказываются больные. Авторъ приводитъ 10 случаевъ, когда послѣ сѣченія люди становились ненормальными или совершенно душевно-больными.—Трагедіи, разыгравшіяся въ самые послѣдніе годы въ каторжныхъ тюрьмахъ на почвѣ тѣлеснаго наказанія и послужившія предметомъ запросовъ въ Государственной Думѣ, показываютъ, что и понынѣ практика истязаній держится въ этой области прочно...

Но наиболѣе обширной группой тѣлесно наказуемыхъ были до послѣдняго времени крестьяне. Розга была оставлена для крестьянъ, какъ для сословія все еще низшаго, обложеннаго подушной податью, связаннаго круговой порукой и иными многочисленными остатками крѣпостничества. Совершенно очевидно, что такой порядокъ шелъ рѣшительно въ разрѣзъ съ элементарнѣйшими понятіями о правосудіи. Съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ розгу и не пытались оправдывать, ибо нельзя, по справедливому замѣчанію проф. Таганцева, защитить то положеніе, что „провѣвшійся и пропившійся потомокъ столбового рода,

сбирающій по дворамъ подачки, или хотя-бы и титулованная, но попавшая въ списки проституированныхъ женщина, тѣмъ не менѣе сохраняютъ болѣе развитое понятіе о личномъ достоинствѣ, чѣмъ всякое лицо податного сословія". Розга была сохранена въ помощь помѣщику, въ рукахъ котораго осталось не мало средствъ держать крестьянина въ кабалѣ и оказывать лично или черезъ начальство давленіе на волостной судъ. Помимо этого, въ глазахъ правящей Россіи розги имѣли одно неоцѣнимое достоинство, очень ярко и образно формулированное криминалистомъ Неклюдовымъ: „онѣ (розги) очень дешевы; достаточно нѣсколькихъ десятинъ лѣса, чтобы перепороть всѣхъ гражданъ государства; онѣ моментальны: легъ, отсѣкся, всталъ и ушелъ".

Вскорѣ-же послѣ паденія крѣпостного состоянія начало выясняться, что употребленіе розги по приговорамъ волостныхъ судовъ скорѣе ослабѣваетъ, чѣмъ усиливается. Извѣстной „Комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ", дѣйствовавшей въ началѣ 70-хъ г.г., пришлось выслушать отъ самихъ крестьянъ не мало отзывовъ противъ тѣлесныхъ наказаній, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно примѣнялось очень рѣдко или даже вовсе не примѣнялось волостными судами. Тѣлесное наказаніе не было преобладающимъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской, Владимірской, Тамбовской, Харьковской, Полтавской, Кіевской и Екатеринославской, т. е. въ восьми губерніяхъ изъ тѣхъ двѣнадцати, которыя посѣтила Комиссія. Если, наоборотъ, тѣлесное наказаніе было преобладающимъ въ губерніяхъ Новгородской, Московской, Самарской и Саратовской, то это объясняется преимущественно широкимъ примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній при взысканіи недоимокъ [1]). Уродливая податная система, съ ея неравномѣрнѣйшимъ распредѣленіемъ налоговъ, ложившимся съ исключительной тяжестью именно на крестьянство, являлась одной изъ виднѣйшихъ причинъ широкаго распространенія розги. Вопреки закону, возлагавшему „принятіе мѣръ къ предупрежденію и взысканію недоимокъ" на сельскій сходъ, не имѣвшій права примѣнять при этомъ тѣлесное наказаніе, не смотря на неодно-

---

[1]) См. В. И. Семевскій, „Объ освобожденіи крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія". Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, 1896 г., № 1, стр. 4—5 и сл.

кратныя разъясненія Сената, — неплательщиковъ нерѣдко подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ подъ давленіемъ мѣстной администраціи и волостные суды, и волостные старшины, и сельскіе старосты.

Въ Комиссіи о преобразованіи волостныхъ судовъ о розгахъ говорилось, какъ о наказаніи, подлежащемъ уничтоженію: противъ розогъ были не только опрошенные комиссіей крестьяне, но и различныя должностныя лица, входившія въ близкое соприкосновеніе съ крестьянскимъ міромъ. Удостовѣрялось, что народъ не обращается къ волостному суду, рѣшеніе котораго кончается приговоромъ къ розгамъ.

Но этотъ естественный процессъ постепеннаго вымиранія розги въ крестьянской средѣ былъ остановленъ законодателемъ. Реакція 80-хъ г.г. привела въ этой области къ закону 12 іюля 1889 г., имѣвшему цѣлью, какъ гласила оффиціальная вывѣска на немъ, восполнить отсутствіе „близкой къ народу твердой правительственной власти, которая соединяла-бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями... съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ". По мѣткому замѣчанію А. Тимофеева, „вѣроятно, по традиціи въ Россіи понятіе объ административномъ попечительствѣ и твердой власти какъ-бы связывается съ битьемъ". И законъ о земскихъ начальникахъ расширилъ на дѣлѣ примѣненіе розги: иныхъ рессурсовъ у правящей Россіи не было...

Закономъ 12 іюля 1889 г.—глава „Временныя правила о волостномъ судѣ",—разрѣшалось волостному суду назначать лицамъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, наказаніе розгами до 20 ударовъ, при чемъ „рѣшеніе, которымъ обвиняемый присужденъ къ тѣлесному наказанію,—гласила ст. 29 этихъ правилъ,—исполняется не иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который въ правѣ замѣнить тѣлесное наказаніе другимъ соотвѣтственнымъ взысканіемъ"... (денежнымъ взысканіемъ до 30 р., независимо отъ ареста, и строгимъ арестомъ на 15 дней).

Для неизъятыхъ розги могли назначаться въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) за оскорбленіе полицейскихъ стражей и низшихъ должностныхъ лицъ; 2) за ссоры, драки, кулачный бой, нарушеніе тишины и прошеніе милостыни; 3) за нанесеніе обиды на словахъ и дѣйствіемъ, при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ; 4) за словесную и пись-

менную угрозу, самоуправство, насиліе, отказъ родителямъ въ пропитаніи; 5) за кражу; 6) за мошенничество, обманъ и присвоеніе чужого имущества, покупку завѣдомо краденнаго; 7) за нарушеніе условій найма безъ договорнаго листа; 8) за мотовство и пьянство, разстраивающее хозяйство!

Разъ подвергнутый тѣлесному наказанію розгами крестьянинъ навсегда лишался права быть избираемымъ на какія-либо общественныя должности.

Цѣлый рядъ группъ былъ изъятъ отъ тѣлеснаго наказанія. Если не считать этихъ изъятій, то правомъ на розгу пользовался только крестьянинъ мужского пола, не моложе 10 лѣтъ и не старше 60, который не попалъ въ солдаты по какой-либо причинѣ, а оставаясь въ деревнѣ, ни разу не былъ избираемъ на какую-либо общественную должность, не былъ лѣснымъ сторожемъ, не окончилъ ученья въ одномъ изъ училищъ, избавляющихъ отъ розогъ, не имѣетъ знаковъ отличія, не страдаетъ какою-либо тяжелою болѣзнію и не совершилъ болѣе тяжкаго преступленія, караемаго не волостнымъ, а другими судами, не могущими назначать розогъ.

Иначе говоря,—по замѣчанію А. М. Чернова,—розги имѣли „жертвами всѣхъ тѣхъ, кто и безъ того обиженъ судьбою: узкогрудыхъ, хромоногихъ, или единственныхъ труженниковъ въ семьѣ,—сыновей-одиночекъ и т. п.“.

Фактически, розга была вручена, такимъ образомъ, оффиціальному представителю власти. Усердіе многихъ изъ этихъ представителей оказалось вскорѣ-же такимъ значительнымъ, что самой-же насадившей ихъ попечительной власти пришлось уже въ 1891 г. рекомендовать земскимъ начальникамъ большую осторожность въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній и указывать, что законодатель допустилъ ихъ, какъ крайнюю мѣру.

Изъ многочисленныхъ и въ достаточной степени достовѣрныхъ данныхъ, собранныхъ особой комиссіей при „Обществѣ русскихъ врачей Н. И. Пирогова“ и опубликованныхъ въ работѣ Д. Жбанкова и Вл. Яковенко, мы видимъ, что подъ высокимъ руководствомъ земскихъ начальниковъ употребленіе розги отличалось двумя особенностями. Прежде всего, оно поражало своимъ разнообразіемъ. Уѣзды, рядомъ лежащіе и во всѣхъ прочихъ отно-

[1]) „Набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи“ цитировано у Г. Джаншіева.

шеніяхъ ничѣмъ другъ отъ друга не отличавшіеся, рѣзко разнились съ точки зрѣнія усердія „близкой къ народу“ попечительной власти. Иногда это усердіе было прямо пропорціональнымъ не отсталости, даже не преступности населенія, а, напротивъ, его культурности. Такъ, въ Черниговской губерніи, по даннымъ 1896 г., населеніе Глуховскаго уѣзда подвергалось опасности быть высѣченнымъ въ 27 разъ меньше, чѣмъ несчастные обитатели уѣздовъ Новгородъ-Сѣверскаго и Сосницкаго. Въ Новгородской губ., въ уѣздахъ Бѣлозерскомъ и Демянскомъ наказано было въ 1896 г. въ 30 и 60 разъ меньше, чѣмъ въ Старорусскомъ, Новгородскомъ и др. Въ Смоленскомъ и Рославльскомъ у. у. Смоленской губ. число наказанныхъ въ 5—9 разъ превышало въ 1891—96 г. г. число наказанныхъ въ у. у. Смоленскомъ и Юхновскомъ той-же губ. О большей преступности, дикости жителей первыхъ уѣздовъ не можетъ быть и рѣчи: Сычевцы, Гжатчане въ Смоленской губерніи, занимающіеся отхожими городскими заработками, гораздо грамотнѣе и культурнѣе Бѣлянъ и Порѣчанъ, подвергавшихся гораздо рѣже сѣченію. Лучшей иллюстраціи совершенно безграничнаго произвола „близкой къ народу власти“ въ ея розголюбіи нельзя, конечно и требовать.

Другой особенностью употребленія розги было то, что образъ дѣйствій земскаго начальника оказывалъ неизбѣжно огромное вліяніе на волостные суды и чѣмъ охотнѣе земскіе начальники допускали тѣлесное наказаніе, тѣмъ чаще оно, вообще говоря, назначалось и волостными судами. Это правило было почти общимъ.

Гг. Жбанковъ и Яковенко собрали свѣдѣнія за 1896 г. изъ различныхъ частей Россіи, юга и сѣвера, запада и востока, изъ чисто русскихъ и инородческихъ губерній, промышленной и черноземной полосы, лѣсныхъ и безлѣсныхъ мѣстностей, самыхъ грамотныхъ и безграмотныхъ губерній, и в е з д ѣ въ это время розга была въ употребленіи. Изъ сводки всѣхъ данныхъ мы видимъ, что по всѣмъ 19 губерніямъ въ 1896 г. было вынесено 6257 приговоровъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, и въ 17 губерніяхъ (о двухъ нѣтъ свѣдѣній) изъ 5756 приговоровъ 2414 [1]) были приведены

[1]) Цифры здѣсь скорѣе ниже дѣйствительныхъ; во 1-хъ, судьба многихъ приговоровъ въ моментъ выхода книги еще не была извѣстна; во 2-хъ, не малое число приговоровъ не было исполнено благодаря Манифесту 1896 г.

въ исполненіе, т. е. 42% приговоровъ достигли своей цѣли; въ одной земской Россіи въ 1896 г., черезъ 33 года послѣ оффиціальной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, насчитывались тысячи приговариваемыхъ къ битью и наказываемыхъ на строгомъ основаніи закона.

Но таково уже внутреннее свойство узаконеннаго битья: оно неизбѣжно стремится выйти за предѣлы, дозволенные закономъ, какъ бы точно эти предѣлы ни были установлены. И примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ чрезвычайномъ, внѣ-законномъ порядкѣ, по усмотрѣнію власть имущихъ проходитъ красною нитью черезъ всю исторію пореформенной Россіи, вплоть до нашихъ дней. При чрезвычайныхъ экзекуціяхъ, съ помощью которыхъ усмиряются народныя волненія, размѣры тѣлеснаго наказанія никакому учету не поддаются: здѣсь все зависитъ отъ усердія исполнителя. Въ 1895 г. Я. П Полонскій разсказалъ въ „Вѣстникѣ Европы“ о томъ, какъ бывшій орловскій губернаторъ сѣкъ крестьянъ. Авторъ, несмотря на свои 75 лѣтъ и близкое знакомство съ крѣпостническими порядками, „такихъ сѣченій при помощи военной силы и въ присутствіи властей, не видалъ ни разу“. Если извѣстный въ свое время нижегородскій губернаторъ Барановъ прогремѣлъ на всю Россію экзекуціями во время холеры и ярмарки, то произошло это не потому, что Барановъ представлялъ исключеніе, а лишь потому, что онъ прибѣгалъ къ битью чаще и въ размѣрахъ болѣе широкихъ, чѣмъ другіе администраторы. При возникновеніи народныхъ волненій власти стремятся не столько къ тому, чтобы „усмирять неповинующихся“, сколько къ тому, чтобы „драть усмиренныхъ“ [1]). Грандіозной поркой не только при усмиреніи, но и при ликвидаціи очень крупныхъ крестьянскихъ волненій, имѣвшихъ мѣсто въ 1902 г. въ Полтавской губ., прославился извѣстный кн. Оболенскій.

Узаконенныя тѣлесныя наказанія широко открываютъ двери для битья оптомъ, для массовыхъ экзекуцій въ административномъ порядкѣ; въ промежуткахъ между этими взрывами розголюбія идетъ битье въ розницу. Лишь рѣдкіе, особенно выдающіеся случаи этого битья доходятъ до суда [2]), огромное большинство подобныхъ проявленій ди-

[1]) Слова изъ одного приказа ген. Драгомирова.

[2]) Поразительный фактъ этого рода разсказали въ 1897 г. „Русскія Вѣдомости“. Въ с. Туровкѣ Прилукскаго уѣзда лакей помѣщицы,

каго самоуправства проходить для ихъ виновиковъ по прежнему безнаказанно.

Источникомъ всѣхъ этихъ видовъ незаконнаго битья въ значительной степени было битье, освященное закономъ. Въ широкихъ общественныхъ кругахъ начало еще въ концѣ 80-хъ г. г. возникать движеніе противъ узаконенной розги. Но съ особенной силой это движеніе проявляется къ серединѣ 90-хъ г. г., послѣ жестокаго массоваго голода 1891—92 г. г., обнажившаго во-очію язвы полицейско-бюрократическаго строя. Начиная съ 1894—95 г. г. тянется вереница ходатайствъ объ отмѣнѣ узаконеннаго тѣлеснаго наказанія. Ходатайства эти возбуждались болѣе передовыми земствами, настаивавшими на томъ, что розга представляетъ жестокій тормазъ для развитія раціональнаго сельскаго хозяйства, для широкой и прочной постановки земскаго дѣла. Рядомъ съ земствами въ томъ-же направленіи дѣйствуютъ многочисленные врачебные съѣзды и общества, настаивающіе на томъ, что тѣлесныя наказанія, даже въ минимальныхъ размѣрахъ, причиняютъ тяжкій вредъ здоровью наказываемаго. Съ подобнымъ-же ходатайствомъ выступило въ 1895 г. и Вольно-Экономическое Общество.

Можно сказать, что на грани двухъ вѣковъ, настоящаго и прошлаго, не было почти ни одной общественной организаціи, ни одного общественнаго съѣзда, которые не возвысили-бы своего голоса, чтобы протестовать противъ тѣлесныхъ наказаній. Агитація въ земствѣ, во врачебныхъ обществахъ, въ различныхъ другихъ общественныхъ организаціяхъ была дружно поддержана печатью, которая въ лицѣ всѣхъ своихъ органовъ, кромѣ двухъ-трехъ, рѣшительно высказывалась за отмѣну узаконенной розги, быть можетъ, наиболѣе ярко воплощавшей въ себѣ наслѣдіе крѣпостничества. Въ 1895-же г. выступилъ Л. Толстой съ знаменитой

Августъ Баранъ, объявилъ себя мировымъ судьей, устроилъ во флигелѣ камеру, разбиралъ дѣла рабочихъ, приговаривалъ ихъ къ аресту и еще чаще къ тѣлесному наказанію, которое немедленно послѣ суда и приводилось въ исполненіе. Назначалось обыкновенно 25—40 ударовъ кнутомъ или пучкомъ розогъ изъ колючей акаціи, исполняли наказаніе два особыхъ рабочихъ, называвшихся „катами“. Если Баранъ замѣчалъ что каты сѣкутъ плохо, то онъ самъ наказывалъ не только приговоренныхъ, но и катовъ. Приговаривались къ тѣлесному наказанію рабочіе всѣхъ возрастовъ и обоего пола, подвергались поркѣ даже шестнадцатилѣтнія дѣвушки. Дѣло дошло до суда. при чемъ на судѣ врачъ призналъ въ данномъ случаѣ тяжкіе побои и истязанія.

статьей „Стыдно“, произведшей въ общественныхъ кругахъ огромное впечатлѣніе...

Среди самихъ крестьянъ примѣненіе розги также начинаетъ встрѣчать отпоръ всевозможнаго характера. Въ печати начинаютъ раздаваться подлинные крестьянскіе голоса, требующіе отмѣны розги. Наказываемые протестуютъ всѣми доступными имъ средствами. Болѣе слабые часто не выносятъ уже позора и сходятъ съ ума, прибѣгаютъ къ самоубійству; болѣе смѣлые и сильные оказываютъ сопротивленіе властямъ и въ одиночку, и скопомъ, прибѣгаютъ къ мести поджогами и убійствами, совершаютъ, наконецъ, болѣе тяжелыя преступленія, чтобы только избавиться отъ розги.

Такъ длилось до самаго конца XIX столѣтія. Правящая Россія цѣпко держалась за узаконенное битье. Всѣ эти безчисленныя ходатайства, требованія, протесты, имѣвшіе цѣлью оказать моральное давленіе на власть имущихъ, не давали непосредственныхъ результатовъ. Россія вступала въ XX столѣтіе, а розги, плети продолжали свистать на законномъ основаніи, служа источникомъ и битья внѣ-законнаго.

Но первые-же годы XX ст. принесли съ собою новыя, небывало-могучія формы общественной массовой борьбы за освобожденіе Россіи отъ всѣхъ пережитковъ крѣпостничества. Требованіе отмѣны тѣлесныхъ наказаній не фигурировало въ числѣ лозунговъ въ этой борьбѣ. Оно естественно поглощалось, какъ часть цѣлымъ, требованіями болѣе общими, направленными непосредственно противъ наиболѣе тяжкихъ пережитковъ рабства.

Послѣдующія событія привели съ одной стороны къ новому закону, отмѣнившему розги для крестьянъ, плеть для ссыльныхъ, но съ другой стороны эти событія и ихъ эпилогъ показали, что дѣйствительное искорененіе внѣ-законнаго битья мыслимо лишь какъ часть цѣлаго—искорененія всѣхъ остатковъ крѣпостничества, опутывающихъ современную Россію. Отмѣненныя на бумагѣ, тѣлесныя наказанія, вплоть до пытки и смертной казни, смогли съ необычайной силою разлиться по всей Россіи и придавить страну кровавымъ кошмаромъ...

Въ 1903 г., 2 іюня, былъ изданъ законъ, отмѣнившій тягчайшіе виды тѣлесныхъ наказаній для ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ: бритье головы и битье лозами, плетьми и прикованіе къ телѣжкѣ. Но официальная

Россія осталась и здѣсь вѣрна себѣ: уничтоживши плети, сохранила для ссыльныхъ тѣлесныя наказанія въ еще достаточно тяжелой формѣ: ручныя и ножныя оковы на время отъ года до двухъ лѣтъ и розги до 100 ударовъ—количество, при которомъ смертный исходъ всегда возможенъ [1]). Отъ розги освобождались только старики 60 лѣтъ, да страдающіе неизлѣчимыми болѣзнями, удостовѣренными врачемъ.

Слѣдующій годъ принесъ съ собою новую реформу. 11 августа 1904 г. Высочайшимъ Манифестомъ уничтожены тѣлесныя наказанія для крестьянъ, а также и для болѣе мелкихъ группъ населенія: для малолѣтнихъ ремесленниковъ, корабельныхъ служителей, штрафованныхъ солдатъ и моряковъ. Но дѣло и на этотъ разъ осталось недодѣланнымъ: тѣлесныя наказанія сохранены были для нижнихъ чиновъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ и военныхъ тюрьмахъ, для заключенныхъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, для каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ. Сохранены и прежніе размѣры наказанія—до 100 ударовъ розгами.

Реформа, которой еще такъ недавно добивались всѣ просвѣщенные, гуманные элементы Россіи, явилась въ такой моментъ, когда никого она удовлетворить не могла. Съ одной стороны, розга узаконенная уже отмирала тамъ, гдѣ она теперь отмѣнялась. Съ другой стороны, въ моментъ появленія Манифеста передъ Россіей стоялъ уже не вопросъ о тѣхъ или иныхъ частичныхъ реформахъ, а вопросъ о р е ф о р мѣ. Но особенно характерно для современной Россіи то, что по жестокой ироніи судьбы эта отмѣна тѣлесныхъ наказаній явилась прологомъ къ невѣроятному разгулу битья во внѣ-законномъ „порядкѣ". „Не успѣли еще,—по мѣткому замѣчанію Д. Жбанкова,—высохнуть чернила манифеста", какъ чуть не вся Россія была объявлена на военномъ положеніи, и на всемъ протяженіи страны началось совершенно безпримѣрное, если не по своей жестокости, то по своимъ размѣрамъ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній и къ отдѣльнымъ лицамъ, и къ народнымъ громадамъ. Воскресли всѣ виды тѣлесныхъ наказаній, пытка, смертная казнь. Воскресла пытка, по выраженію Алек-

---

[1]) Д. Жбанковъ „Хроника тѣлесныхъ наказаній въ Россіи", „Медицинская Бесѣда", 1904 г.

сандра I, „позоръ и укоризну человѣчеству наносящая“ и развернулась въ XX вѣкѣ настолько пышнымъ цвѣтомъ, что въ одномъ изъ крупнѣйшихъ городскихъ центровъ оказался подлинный застѣнокъ, снабженный цѣлымъ „музеемъ“ пыточныхъ орудій; воскресла и смертная казнь—въ такихъ размѣрахъ, какіе едва-ли знала исторія Россіи за послѣднія столѣтія, смертная казнь по суду—военно-полевому суду,—и даже безъ всякаго суда!

Но если воскресла чуть-ли не во всей своей былой чудовищности старинная россійская „жесточь“, то съ небывалой еще силою проявилась среди широкихъ народныхъ массъ воля покончить со всѣми остатками крѣпостничества, при которыхъ неизбѣжны эти возвраты къ „жесточи“, воля открыть новую эпоху—эпоху подлинно-великихъ реформъ...

На этотъ разъ свѣту не удалось восторжествовать надъ тьмой. Старый порядокъ сохранилъ свои главнѣйшія позиціи. Ни съ битьемъ на законномъ основаніи, ни съ битьемъ внѣ-законнымъ Россія все еще не разсталась. Въ „Мірѣ отверженныхъ“, за стѣнами каторжныхъ тюремъ, за послѣдніе годы вспыхнула настоящая эпидемія тѣлеснаго наказанія. Въ Псковской каторжной тюрьмѣ за $2^1/_2$ года по подсчету заключенныхъ 130 арестантовъ получили 5625 ударовъ розгами! За что? За разговоръ на прогулкѣ, за недостаточную вѣжливость, за записываніе въ тетрадь стихотвореній, за сорванный цвѣтокъ.

На эти варварскія истязанія заключенные отвѣчаютъ самоубійствами-протестами, показывающими, что эти вспышки изувѣрства—не простая случайность, что отъ естественной смерти розги въ этой области мы еще далеки.

Внѣ тюремныхъ стѣнъ „своеручныя расправы“, противъ которыхъ протестовалъ Комитетъ 1863 г., продолжаютъ и понынѣ оставаться „бытовымъ явленіемъ“, какъ проявленіе чистѣйшаго произвола и беззаконія.

А въ концѣ 1912 г. среди русскаго общества нашлись элементы, открыто выступающіе съ требованіемъ возстановленія тѣлесныхъ наказаній на законномъ основаніи. Исходятъ эти требованія изъ среды тѣхъ, для которыхъ всевозможные остатки крѣпостничества служатъ источникомъ всевозможныхъ выгодъ—изъ среды реакціоннаго дворянства. Великолуцкое земское собраніе постановило недавно „ходатайствовать о возстановленіи тѣлесныхъ наказаній“. Въ докладѣ Демянской земской управы Новгородской губерніи,

съ нѣкоторымъ удареніемъ приведена была на земскомъ собраніи справка о томъ, что въ другихъ странахъ, установлены закономъ тягчайшія наказанія для неисправляющихся хулигановъ, а именно—тѣлесное наказаніе 9-ти хвостыми плетьми“ (?). Въ суздальскомъ земскомъ собраніи происходитъ такая сцена: бывшій предводитель дворянства, высказывая сожалѣніе, что нѣтъ уже прежнихъ мѣръ воздѣйствія на испорченныхъ людей, добавилъ: „А по моему-бы ихъ вотъ такъ, вотъ такъ...“ гласный сдѣлалъ при этомъ краснорѣчивое движеніе рукой. Послѣ такой демонстраціи собраніе выбрало гласнаго членомъ... училищнаго совѣта.

Судя по газетнымъ сообщеніямъ, многіе губернаторы также высказались за возстановленіе тѣлесныхъ наказаній.

Эти рабовладѣльческія поползновенія находятъ себѣ отзвукъ въ Государственной Думѣ: засѣдающіе на ея скамьяхъ представители крѣпостниковъ-помѣщиковъ открыто привѣтствуютъ реабилитацію розги.

Пока не изжито цѣликомъ крѣпостное право, пока реформы 60-хъ г. г. не доведены до ихъ логическаго конца, пока наше народное представительство не сдѣлается дѣйствительно „народнымъ“, до тѣхъ поръ возстановленіе тѣлесныхъ наказаній будетъ не просто реакціонной утопіей, а серьезной угрозой всему тому, что удалось народнымъ массамъ завоевать въ этой области цѣною неисчислимыхъ страданій.

Типографія „Ш. Буссель“, Лиговская 117.